

очарование

ДЖЕННИФЕР ДОУСОН

*Что это
за игра?*

Очарование

Дженнифер Доусон

Что это за игра?

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Доусон Д.

Что это за игра? / Д. Доусон — «АСТ»,
2015 — (Очарование)

ISBN 978-5-17-094658-7

Профессор Джеймс Донован – ученый, человек, привыкший контролировать себя во всем и предпочитающий здравый расчет чувствам. Что же у него может быть общего с Грейси Робертс, прелестной белокурой хозяйкой кондитерской из маленького провинциального городка, обожающей развлечения, веселые шутки и пирожные? Вот уж правда – люди, совершенно неподходящие друг другу!.. Однако не зря говорят: противоположности притягиваются, а любовь не знает преград. И очень скоро Джеймс и Грейси понимают, что, как ни странно, разные характеры вовсе не помеха для любви.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094658-7

© Доусон Д., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дженнифер Доусон

Что это за игра?

Jennifer Dawson

THE NAME OF THE GAME

© Jennifer Dawson, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

– Как ты можешь пить эту бурду?

Грейси Робертс посмотрела на отвратного вида белковый коктейль в руке Джеймса Донована. Конечно, что он пьет, ее совершенно не касается, но почему-то стоило ей провести больше пяти секунд в обществе этого занудного профессора судебной антропологии, как у нее возникала непреодолимая потребность как-нибудь его поддеть. В свое оправдание Грейси, как кондитер, могла сказать, что одержимость профессора здоровым питанием противоречила ее натуре. Как можно доверять мужчине, который не ест сахар?

Профессор молча посмотрел на нее, приподняв одну бровь. Его зеленые глаза изучали Грейси сквозь стекла очков в тонкой металлической оправе с выражением, которое она могла бы назвать только пренебрежительным. Впрочем, это было его обычное выражение лица, когда он оказывался в ее обществе. Они познакомились полтора года назад. Стоило им разок взглянуть друг на друга, как они сразу же почувствовали взаимную неприязнь. И это было странно. За тридцать три года жизни Грейси редко доводилось встретить человека, который бы ей не понравился. Она любила людей, и они отвечали ей тем же. Ее мама, бывало, говорила, что такое количество обаяния, которое ей досталось от рождения, должно быть запрещено законом. И правда, у нее не было заклятого врага с восьмого класса: Кэти Уомак наврала Грегу Холберту, что у Грейси вши, чтобы он пошел на весенний бал с не с Грейси, а с ней. Но в итоге оказалось, что оно и к лучшему, потому что теперь у Кэти на шее пятеро детишек мал мала меньше, а Грег изменяет ей с какой-то крашеной блондинкой из соседнего городка. Так что Грейси, можно сказать, повезло.

Грейси ответила профессору столь же пренебрежительным взглядом, они встали в стойку, словно два боксера, готовые к очередному раунду. Живя далеко от Джеймса, Грейси могла бы его избегать, но он приехал с ее лучшими друзьями. Ну и поскольку Грейси любила своих друзей, ей приходилось терпеть Джеймса. Грейси знала, что ей придется мириться с его присутствием, еще когда вызвалась отправиться в Чикаго и помочь Сесилии Райли переехать в прекрасный дом, который купили Сесилия и ее жених. Но от знания легче ей не стало. Грейси вздохнула: придется пострадать ради дружбы. Она сердито уставилась на Джеймса.

– На что это ты смотришь?

Мимолетный оценивающий взгляд.

– Ни на что.

Грейси знала, что не стоит к нему цепляться, но в это яркое солнечное утро ничего не могла с собой поделать. В этом мужчине ее раздражало все. Вместо своего обычного наряда: коричневых слаксов и рубашки поло, – в котором он выглядел как страховой агент, сегодня на нем были джинсы и блекло-голубая футболка в стиле ретро с персонажами из фильма «Империя наносит ответный удар». Хлопковая ткань натягивалась на его широких плечах, груди и плоском животе, подчеркивая все твердые мускулы, которые он так старательно накачивал.

Грейси поставила руки на полные бедра – ей говорили, что у нее бедра как у модели с пинап-плаката сороковых годов – и бросила презрительный взгляд на его ужасное пойло.

– Почему бы тебе не выпить вместо этого побелки? Наверняка она будет вкуснее.

– В этом напитке содержится идеальное сочетание белков, углеводов и витаминов. – Джеймс посмотрел на стоящую перед ней бумажную тарелку, на которой лежал пончик, обильно посыпанный сахарной пудрой. – Чего не скажешь об этом чудовищном изделии из жира и сахара, которое заменяет тебе завтрак.

Да как он смеет так говорить?! Пончики нравятся всем. Их не любят только психи и извращенцы. Грейси уже открыла рот, чтобы накинуться на Джеймса, но не успела – вошел

старший брат Джеймса и спас его от разноса. Шейн раскинул руки, как рефери, который разводит в стороны противников.

– Давайте не начинать очередную серию войны по поводу еды. Ничего хорошего из этого не выйдет, а у нас впереди еще долгий день.

Сесилия рядом с ним кивнула.

– Мы ценим, что вы приехали на выходные нам помочь, но прошел всего час, а вы уже беспрерывно ругаетесь.

Грейси недовольно показала на Джеймса:

– Он первый начал.

Джеймс одарил ее неодобрительной гримасой. Кажется, он специально приберегал это выражение для Грейси.

– Это ты начала. Я просто стоял тут и никого не трогал.

– Ты оскорбил мой пончик!

– После того, как ты наморщила нос на мой коктейль.

Джеймс скрестил руки на груди, и под его кожей отчетливо проступили сильные бицепсы. Рельефные мускулы его рук на секунду отвлекли Грейси, но она быстро снова сосредоточилась и фыркнула:

– Коктейль! Назвать это пойло коктейлем – значит оскорбить все коктейли! Настоящий молочный коктейль делают с настоящим мороженым. И я имею в виду не замороженный обезжиренный йогурт, я говорю о...

Раздался оглушительный свист, такой пронзительный, что Грейси заткнула уши. Ее чуть не ослепил блеск бриллианта в четыре карата – это Сесилия замахала рукой перед ее носом.

– Прекратите! У меня от вас двоих голова начинает болеть.

Шейн обнял Сесилию за талию своей большой рукой и привлек ее к себе.

– А расстраивать Сесилию разрешается только мне. – Он наклонился и поцеловал будущую жену в шею.

Сейчас, когда Шейн и Сесилия собирались пожениться, а другие друзья Грейси, Митч и Мадди Райли, недавно поженились, этот непрекращающийся праздник любви уже начал действовать ей на нервы. Грейси, конечно, была очень рада их счастью, но эта ситуация вынуждала ее слишком уж часто наблюдать откровенные проявления нежности. И Грейси была достаточно взрослой, чтобы признать, что она им чуточку завидует. Ей и самой нравилось иногда показать на публике нежные чувства, вот только не с кем было их показывать. Сама того не желая, она обходилась без секса вот уже больше года и из-за этого стала немного дерганой. Воздержание вовсе не входило в ее планы: Грейси нравился секс. И она часто ходила на свидания, вот только никто из мужчин не заводил ее настолько, чтобы она легла с ним в постель.

Грейси покосилась на профессора. Он всегда такой сдержанный, такой благопристойный. Небось думает, что целоваться на публике – такое же преступление, как есть пончики. Он и сексом, наверное, занимается только в миссионерской позиции и только при выключенном свете. Такой скованный мужчина наверняка в постели полный ноль – в этом Грейси даже не сомневалась. Хотя, конечно, она и думать не думала о том, каков Джеймс в постели.

Шейн коснулся языком кожи Сесилии. Грейси нахмурилась.

– Эй, прекратите. – Она показала большим пальцем в сторону профессора. – А то ему будут сниться кошмары.

Шейн впился губами в шею Сесилии, потом царапнул нежную кожу зубами. Сесилия так закатила глаза, что те едва не перевернулись задом наперед, и Грейси ее не винила. Шейн Донован, в отличие от его брата, был явно не из тех, кто трахается только в темноте.

Джеймс глубоко вздохнул с выражением покорности судьбе.

– Ты снова умудрился забыть о моем присутствии.

Шейн поднял голову и усмехнулся младшему брату.

– Джимми, она думает, что ты ханжа.

Джеймс сначала нахмурился, а через несколько секунд молча покачал головой, словно Грейси была такой дурочкой, что на нее и слова тратить не стоило. Потом он подхватил со стола коробку с надписью «кухня» и направился к двери, на ходу бросив через плечо:

– Ты зарабатываешь уйму денег, так почему этим не могут заняться перевозчики, которых ты уже нанял?

Грейси сочла резонным этот вопрос.

– Эй, – сказала она, – а ведь он прав.

– Святые угодники, ушам своим не верю, неужели ты в чем-то с ним согласилась? – Шейн вытянул шею и крикнул вслед брату: – Джимми, ты слышал? Она с тобой согласилась!

– Я сделаю пометку в календаре и упаду замертво от сердечного приступа, – сухо заметил Джеймс и вышел за дверь, тем самым положив конец пятьсоттринадцатому раунду их нескончаемого поединка.

– Только и всего? Это все, что мне надо было сделать? – Грейси насмешливо улыбнулась Сесилии. – Подумать только, сколько времени я потратила зря.

Шейн прищурился. Глаза у него были зеленые – поначалу Грейси думала, что у всех представителей клана Донованов глаза совершенно одинакового цвета, но глаза Джеймса отличались оттенком, как холодноватая жесткая хвоя среди теплой зеленой листвы.

– Ты не можешь его не задирать? – спросил Шейн.

Грейси возмущенно подбоченилась.

– Я? Что я такого сделала?

– Не прикидывайся невинной овечкой. Ты его все время дразнишь. И занимаешься этим с того дня, как вы познакомились.

Шейн скользнул рукой по кухонной стойке за спиной Сесилии. Сесилия чуть поежилась, Грейси догадывалась, что он забрался пальцами под черный топ ее подруги. «Опять!» – Грейси вздохнула.

– Боюсь, он прав, – кивнула Сесилия.

Грейси закатила глаза.

– О-о, я тоскую по тем дням, когда вы не соглашались друг с другом по каждому поводу.

Сесилия усмехнулась Шейну. Несмотря на то что они таскали вещи, ее волосы, забранные в конский хвост, оставались в идеальном порядке.

– Я пытаюсь за что-нибудь на него разозлиться, но что-то никак не могу найти повод.

Шейн дернул ее за конский хвост цвета карамели и заметил:

– Наверняка ты скоро что-нибудь придумаешь.

– Как насчет того, что вы не наняли грузчиков? – подсказала Грейси.

Прошлой ночью ей пришлось услышать не много, а слишком много, и теперь она не знала, надолго ли еще ей хватит терпения выносить их любовное воркованье. Любовь. Рядом с этой сладкой парочкой и занудным профессором у нее возникало двойственное ощущение: то ли она попала в мюзикл «Моя прекрасная леди», то ли подглядывает в замочную скважину.

Рука Шейна устроилась на шее Сесилии.

– Грузчики придут в три. Сисси хотела заняться самыми важными вещами сама.

Грейси постаралась не вести себя как мелочная особа, а показать своим друзьям энтузиазм, которого они заслуживали. Она улыбнулась счастливой парочке.

– Трудно поверить, что полгода назад Сесилия сидела на моем диване и плакала из-за тебя. И вот, пожалуйста, вы съезжаетесь и собираетесь пожениться.

Сесилия посмотрела на жениха, и в ее взгляде сквозило одно только восхищение.

– Безумие, правда?

Шейн коснулся губ Сесилии легким поцелуем. Грейси отвела взгляд. За шесть месяцев жизнь Сесилии совершенно изменилась. Из замкнутой, одержимой работой и погрязшей в жизни, которая ее не устраивала, она превратилась в жизнерадостную оживленную женщину. Она бросила работу политического консультанта своего отца, отказалась от упомянутого отца, наладила отношения с матерью и братом, открыла собственное дело как пиар-консультант, специализирующийся на улучшении имиджа, и влюбилась в Шейна.

А Грейси за это время даже не смогла ни с кем переспать. И большей частью по собственной вине, потому что постоянно давала мужчинам от ворот поворот. Хорошим мужчинам. Она помотала головой. Хватит об этом. У нее прекрасная жизнь. А секс и наличие парня вовсе не ключи к счастью. У нее есть все, что только может пожелать женщина: процветающий бизнес, хорошие друзья, прекрасный дом, в котором она живет с братом. Она сильная, самодостаточная женщина. А мужчины – это дело второстепенное. Конечно, неплохо иметь мужчину, но это точно не главное.

В комнату неспешной походкой вернулся Джеймс. Он двигался с непринужденной грацией, и Грейси это раздражало. Она и сама не могла объяснить, почему он ей так сильно не нравился. В нем же не было ровным счетом ничего неприятного, за исключением привязанности к здоровому питанию и физкультуре. И он, как и его братья, этикие альфа-самцы, был довольно хорош собой, только в своем книжном стиле. При его росте в шесть футов два дюйма Джеймс был самым маленьким из троих парней Донованов, и хотя фигурой он мог соперничать с братьями, в его облике не было ничего угрожающего. Он был обыкновенным. Ничего выдающегося. И ничего отвратительного. С большинством мужчин, особенно безопасных, Грейси напропалую флиртowała и запросто льстила им, но по какой-то неведомой причине с Джеймсом она не могла вести себя так же. Может быть, потому, что в его манере смотреть на нее было нечто такое... как будто он ее раскусил. Что-то про нее понял. Но Грейси понятия не имела, что такое он мог о ней понять, чего она сама не понимала.

– Что? – спросил Джеймс.

Грейси вздрогнула от неожиданности, его голос вывел ее из задумчивости. Ее сердце подпрыгнуло, оно это иногда вытворяло, когда Джеймс напряженно сжимал челюсти и смотрел на нее таким суровым взглядом, как сейчас. Она небрежно отмахнулась.

– Да так, ничего.

Джеймс показал на коробки, составленные на кухонном столе.

– Ты так и будешь тут стоять или собираешься заняться делом?

Грейси фыркнула:

– Между прочим, я пришла сюда раньше тебя.

Он приподнял одну бровь.

– Но сделала ли ты хоть что-нибудь?

– Какой же ты зануда.

Грейси возвела взгляд к потолку и покачала головой. Как бы ей пережить этот день, не говоря уже о целом уикенде!

– Ты повторяешься. – Джеймс прислонился боком к разделочному столу, стоящему на середине кухни, и отпил еще немного своего мерзкого пойла. – Ты мне это уже два раза сегодня говорила.

Грейси попыталась придумать достойный ответ, но поняла, что Джеймс сумел поставить ее в тупик. Еще одна причина, по которой он ее раздражал. Грейси бы ни за что в жизни в этом не призналась, но рядом с ним она становилась косноязычной. Обычно это она заставляла нервничать мужчин вроде него, а не наоборот. Проигнорировав Джеймса, она круто повернулась к Сесилии.

– Ты видишь, что мне приходится выносить?

Сесилия крепко сжала губы, чтобы удержаться от смеха. А Шейн спокойно заметил:
– Вроде ты сама это начала.

Сесилия шикнула на него и ткнула его локтем в бок, потом поманила Грейси пальцем:
– Ладно, хватит, давай начнем со спальни.

Шейн схватил Сесилию за запястье и потянул назад, потом наклонился и прошептал ей на ухо что-то, отчего у нее покраснели щеки. Когда он отпустил ее руку, она пошатнулась, потом выпрямилась и загадочно улыбнулась.

– Мы только заглянем туда, проверим, как там, ладно?

Шейн окинул ее долгим взглядом с головы до ног.

– Да, заглянем.

Грейси закатила глаза. Вот почему у нее секс на уме. Это все они виноваты. Сесилия повернулась кругом, высоко держа голову.

– Грейси, пойдем.

Когда Сесилия проходила мимо, Шейн шлепнул ее по задку. Она взвизгнула:

– Ой!

Шейн рассмеялся. Сесилия притворно нахмурилась, но широкая усмешка ее выдала. Грейси вздохнула с оттенком зависти и пошла за подругой вверх по задней лестнице. Ее целую вечность никто не шлепал.

Джеймс Донован в раздраженном благоговении смотрел, как Грейси поднимается по лестнице, тугие джинсы обтягивали ее аппетитную задницу и ноги, достойные танцовщицы. Именно так, в «раздраженном благоговении» – эти слова довольно точно характеризовали чувство, которым был окрашен весь год его знакомства с этой женщиной. Обтягивающая красная футболка подчеркивала ее фигуру в форме песочных часов во всем великолепии, как только он ее увидел, его почти бросило в холодный пот. Если бы дело было только в теле Грейси, еще полбеда, но ее лицо с живыми глазами цвета васильков и неукротимой массой белокурых кудрей, упорно не желавших смиряться, сколько бы она ни заправляла пряди за уши, являло столь же захватывающее зрелище. В ней странным образом соединились трогательное очарование и порочная сексуальность.

Джеймс стиснул зубы. Резкий всплеск желания беспокоил и тревожил его. Джеймс очень долго держал под контролем и свое тело, и свой разум, но влечение к этой белокурой секс-бомбе напомнило ему о тех сторонах его натуры, которые лучше было бы оставить в прошлом. Он в тысячный раз пожелал, чтобы Грейси кого-нибудь встретила. Она много ходила на свидания, но, насколько он мог судить, выбрасывала мужчин как использованные носовые платки в разгар эпидемии гриппа.

Когда Джеймс впервые увидел Грейси, она встречалась с шерифом. Когда она с ним рассталась, Джеймс был уверен, что она подцепит одного из его братьев. Женщины вроде Грейси всегда тянутся к таким мужчинам. Сначала Джеймс думал, что это будет Шейн, ведь они очень хорошо ладили. Но как только на горизонте появилась Сесилия, эта его надежда рассыпалась.

На свадьбе Мадди, его сестры, Эван, его младший брат, был в восторге от Грейси. Но, к удивлению Джеймса, она отвергла ухаживания Эвана с тем же добродушным обаянием, которое обращала на всех, кроме него самого. Джеймс до сих пор не понимал, почему она отвергла его младшего брата. Эван не слышал слова «нет» лет с четырнадцати. Ростом шесть футов пять дюймов, он был футбольной звездой, участвовал в Матче всех звезд. Но Грейси, хотя и флиртовала с ним самым бесстыдным образом, дальше не пошла. Она упрямо оставалась незанятой. И это раздражало Джеймса больше, чем если бы они с Эваном спали вместе. Если бы его брат занимался сексом с Грейси, она бы стала для него неприкасаемой, и его проблема с ней была бы разрешена. Его размышления прервал голос Шейна:

– Ну, ты собираешься что-нибудь с этим делать?

Джеймс резко отвел взгляд от лестницы, по которой ушла Грейси, и положил ладони на мраморную столешницу разделочного стола.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

Старший брат прищурился. В эту минуту, с этим выражением лица, он выглядел точной копией их отца, и Джеймс снова испытал тупую боль потери, которая никогда не проходила до конца, сколько бы времени ни миновало.

– Это напряжение между вами уже начинает раздражать.

– Это не напряжение, – ответил Джеймс бесстрастно, тщательно следя за своим тоном. – Это неприязнь. Есть разница.

Да, возможно, между ними и есть скрытое влечение, но совершенно ясно, что ни один из них не желает об этом и слышать. Уж Джеймс-то точно не желает. Ему всегда нравились женщины рациональные.

– Чушь собачья. Перестань ходить вокруг да около и реши эту проблему, пока у тебя яйца не посинели.

– Ты как всегда любезен. – Лицо Джеймса сохраняло бесстрастное и расслабленное выражение. Он очень старался, чтобы никто не узнал, как сильно он хочет Грейси, но Шейна ему, конечно, не удалось обмануть. – Если ты не заметил, она не моя поклонница.

– Для умного парня ты сморозил редкостную глупость.

Таким, как его братья, легко говорить. Если они видят то, что им нравится, то идут и берут это, не переживая о последствиях. Но Джеймс предпочитал, чтобы его жизнь была чуть более распланированной. И в отношениях с женщинами он был осторожен, хотя давно оставил в прошлом юношескую неуверенность в постели. Он посмотрел на Шейна, подняв брови.

– Мне нужно, чтобы моя партнерша меня как минимум уважала.

Шейн усмехнулся.

– Уважение сильно переоценивают. Переспи с ней и выкинь ее из головы.

Джеймс живо представил обнаженную Грейси среди смятых простыней, но прогнал этот образ.

– Не лезь не в свое дело.

– Я тебя совсем не понимаю.

Это было в порядке вещей. Джеймс никогда не был и не будет таким, как остальные братья Донованы. Их сестренка Мадди, хоть и самая младшая в семье, имела такой же огненный темперамент, как его братья. Джеймс давно смирился с тем, что он не такой, как остальные, а с той ночи, когда произошла автокатастрофа, в которой погиб его отец, а сестра впала в кому, он перестал и мечтать стать таким, как они. Его братья и Мадди были импульсивными, а Джеймс – рассудительным. Они этого не понимали, и он их не упрекал. Трудно объяснить людям, которые обожают риск, что ему нравится жить упорядоченной жизнью. Он любит порядок и аккуратность. Именно дисциплина и организованность помогли ему выжить и стать тем человеком, которым он был сегодня. Они его спасли, и у Джеймса не было ни малейшего желания возвращаться обратно. Ему нравилось вести жизнь скучную и упорядоченную, даже если это означало, что его никто не понимает.

Конечно, как любой мужчина, сделанный из крови и плоти, он был бы не прочь лечь в постель с Грейси, забыться в ее теле и все такое. Но, рассмотрев эту ситуацию под разными углами, Джеймс не нашел практических причин удовлетворить это желание. Если бы вдруг она согласилась – а это крайне маловероятно, учитывая, что она совершенно ясно показывает свою неприязнь к нему, – то это было бы катастрофой. Они совершенно разные люди, можно сказать, полные противоположности, и дело кончилось бы тем, что она возненавидела бы его еще больше, чем сейчас.

Единственной положительной стороной был бы секс. Даже притом что это очень большой плюс, в конечном итоге он принес бы больше вреда, чем пользы. Инстинкт подсказывал Джеймсу, что ему лучше не знать, каково чувствовать ее под своими руками и губами. Не хватало еще, чтобы у него сохранилось воспоминание о том, как он входил в ее тело. Или что он чувствовал, когда она кончала.

Джеймс встряхнул головой, как будто мог таким образом стряхнуть опасные мысли. Если разобраться, он и Грейси несовместимы друг с другом, как лед и пламень. Несовместимы во всех отношениях, которые для него важны.

– Хватит уже думать об этом, просто возьми и сделай! – раздраженно бросил Шейн, выражение его лица вполне соответствовало тону.

Джеймс не стал даже пытаться объяснить брату то, чего он все равно не поймет.

– Разве нам не надо перетаскивать коробки?

– Чушь собачья, – сказал Шейн.

– Очень остроумно, – ответил Джеймс.

– Ну, если ты не собираешься ничего по этому поводу предпринимать, то хотя бы не клей на ее наживку. Она тебя подзуживает, и ей нужна твоя реакция.

– Я уверен, что ей от меня вообще ничего не нужно.

Джеймс повернулся к брату спиной и поднял коробку, одновременно обдумывая слова Шейна.

Джеймс задумался, почему все-таки он постоянно с ней схлестывается? Он больше ни с кем не ругался. И, насколько Джеймс мог судить, он был единственным человеком, с которым Грейси не ладила. Уж не были ли эти пререкания его неосознанной попыткой привлечь и удержать ее внимание? Такой вариант Джеймс не мог исключить. Как его отбросить, когда при мысли об ее остром язычке он начинает возбуждаться. Может, костер разводит и она, но он точно добавляет огня. Если он вступает в перепалки с Грейси и соревнуется с ней в остроумии, значит, у него должен быть какой-то мотив. И ему нужно будет проанализировать этот мотив, но не сейчас, а позже, когда она не будет отвлекать его своим присутствием.

Но Шейн верно заметил, не поддаваться на ее подначивания – вполне реально, он может это сделать. В конце концов, ему предстоит провести в ее обществе целый уикенд, а это более чем веская причина попробовать держаться радушно и посмотреть, что из этого выйдет. Уж сорок восемь-то часов он продержится, оставаясь вежливым и приятным. Джеймс еще повертел в уме эту мысль, рассматривая ее с разных сторон, и не усмотрел в ней ничего плохого. Это будет хорошим тестом на реакцию Грейси и его собственную. Станет ясно, что такое эта вражда между ними – просто дурная привычка или единственный способ справиться с подспудным и очень неудобным влечением между ними. Пока что Грейси это влечение откровенно игнорирует, а Джеймс пытается с ним бороться. После того, как он проведет этот эксперимент и изучит его результаты, он сможет разработать разумную гипотезу и план действий.

Джеймс сказал себе, что он будет с Грейси любезным и не станет обращать внимания на ее шпильки. Умеет же он изо дня в день вежливо общаться с коллегами по университету и множеством студентов, сумеет так же вести себя и с ней. Задача должна быть не такой уж сложной, ведь речь идет всего об одном уикенде.

Глава 2

Пятью часами позже Грейси устала до изнеможения и на чем свет кляла большую кладовку Сесилии. В дальнем углу кладовки, на самой верхней полке стояла коробка с обувью, и Грейси никак не могла до нее дотянуться. Она вставала на цыпочки, выжимая все что можно из своих пяти футов шести дюймов роста, но сумела лишь коснуться этой коробки кончиками пальцев и при этом только оттолкнула коробку еще глубже, теперь до нее было вообще не добраться.

– Черт!

Она предприняла еще одну попытку, но коробка была недосыгаема.

– Давай я помогу, – раздался за ее спиной глубокий низкий голос.

Вскрикнув от неожиданности, Грейси резко обернулась и увидела Джеймса: он стоял, прислонившись к дверному косяку. Она прижала руку к бьющемуся сердцу.

– Ты меня напугал.

– Прошу прощения. – Он выпрямился. – Давай я тебе помогу.

Грейси посмотрела на него с подозрением.

– Это еще почему?

Лицо Джеймса напряглось, он открыл рот, но потом молча покачал головой, и его черты снова расслабились.

– Потому что я выше тебя ростом. И еще я подумал, что тем самым выполню свою дневную норму галантности.

Грейси так и подмывало показать ему язык. Ребячество, конечно, но почему-то он пробуждал в ней худшие качества. Она изогнула бровь.

– Да уж, не сомневаюсь, что у тебя и впрямь есть дневная норма. Не удивлюсь, если ты и список ведешь.

– Точно. Я храню его в компьютере в папке с аналитикой, – ответил он с самым серьезным видом.

– Знаешь, в чем весь ужас? – Грейси подбоченилась. – Я не думаю, что это была шутка.

– А я никогда не шучу. У меня нет чувства юмора.

Джеймс со стоическим видом скрестил руки на невероятно широкой груди.

– Я уже заметила.

Он пожал плечами.

– Этого нет в списке.

Не совсем тот ответ, какого Грейси ждала. Она нахмурилась. Когда ей поневоле приходилось проводить время с этим профессором, их перепалки были единственным, на что она могла полагаться. Но после их утреннего спора он больше ни разу не поддался на ее провокации. Все это время он был до невозможности любезен. И, странное дело, оказалось, что это раздражало Грейси точно так же, как когда он с ней спорил. Даже больше, если говорить честно. Она не могла сейчас вдруг стать с ним любезной, это не вписывалось в их стиль общения, и куда бы это ее завело? Она улыбнулась Джеймсу приторно-сладкой улыбкой.

– Думаешь, мне нужен большой сильный мужчина, который меня спасет?

– Нет, просто кто-то повыше ростом.

От его мягкого голоса тонкие волоски у нее на загривке встали дыбом.

– Не умничай.

Ну вот, кажется, теперь она заговорила как вздорная особа! Грейси была недовольна собой. Ей бы следовало присоединиться к его перемирию, а она вместо этого продолжает нажимать на все кнопки, надеясь добиться такой реакции, с которой она умеет обращаться.

Ей бы надо было его приручить, сделать так, чтобы он ел с ее ладони, но он же никогда не играет по правилам.

Он выпрямился, и его грудная клетка, казалось, расширилась. Логотип «Империя наносит ответный удар» растянулся на его впечатляющих мускулах, и в этом было нечто злое. Джеймс вздохнул и сделал шаг в ее сторону.

Первым инстинктивным желанием Грейси было попятиться. Но это же глупо! Ей не из-за чего нервничать. Перед ней всего лишь занудный профессор.

Он приближался к ней, и в его глазах цвета хвой читалось выражение, которого Грейси никогда раньше в них не видела. Он смотрел на нее взглядом... решительным. Да, решительным взглядом. Грейси нервно глотнула. Его длинные ноги быстро покрывали разделяющее их расстояние. Сердце Грейси забилося быстрее, во рту пересохло, она боролась с желанием отступить.

Это же Джеймс! Самый безвредный мужчина на планете. На ленч он ел салат. Салат! Заправленный лимонным соком и оливковым маслом! В то время как все остальные ели бутерброды с итальянской ветчиной.

Грейси расправила плечи и одернула футболку. Она не нервничает. Нисколько не нервничает.

В нескольких дюймах от нее Джеймс остановился. Он стоял очень близко, ближе, чем когда бы то ни было. И они находились одни. Даже отдаленного шума, который производили грузчики, не было слышно. По негласному взаимному соглашению – Грейси сама не знала, с чего оно началось – они следили за тем, чтобы никогда не оставаться наедине. И вот, пожалуйста, он меняет правила. Она втянула воздух. О нет! От Джеймса приятно пахло. Кожей, трудом и мужчиной. Они уже несколько часов занимались физическим трудом, как он ухитрился до сих пор приятно пахнуть? Грейси вдруг стало казаться, что он слишком высокий. Слишком широкий. Он потянулся за коробкой и еще больше заполнил ее поле зрения. Грейси глотнула, у нее пересохло во рту.

– Что это ты делаешь?

– Помогаю.

Он улыбнулся, и Грейси, к вящему потрясению, обнаружила, что при улыбке на его левой щеке появляется ямочка. Где же он прятал ее раньше? До Грейси вдруг дошло, что она никогда не видела эту ямочку, потому что Джеймс до сих пор ей не улыбался. Он только хмурился. С хмурой миной она может справиться, а с этой ямочкой – нет.

От него исходило тепло, согревающее Грейси с головы до ног. Сердце ее замерло, а все общее состояние стало подозрительно смахивать на возбуждение. Не может быть, чтобы он ее завел. Если ее заводит *он*, значит, ей срочно нужен секс. Очень срочно. Она нахмурилась.

– Прекрати. Ты снова меня раздражаешь.

Он встретился с ней взглядом. На таком расстоянии Грейси рассмотрела, что поразительный зеленый цвет его глаз содержит примесь голубого, вот почему в них сквозит холодноватый оттенок. Она перевела взгляд на его губы, и у нее, к ее досаде, перехватило дыхание. Почувствовав, что соски напряглись, Грейси попыталась это скрыть – и скрестила руки на груди. Потом постучала ногой по полу и показала на обувную коробку.

– Ну, так чего ты ждешь?

Его губы удивленно изогнулись.

– Я думал, моя помощь тебя раздражает.

Что ж, если он может держаться хладнокровно, она тоже сможет. Грейси пожала плечами.

– Раз уж ты здесь, почему бы тебе тогда не сделать что-нибудь полезное?

– Я полагаю, тебе придется вытерпеть эту муку. – Он покачал головой и изобразил притворное сочувствие. – Но будешь ли ты спать сегодня ночью?

Грейси презрительно изогнула губы.

– Я тебя уверяю, когда я лежу ночью в постели, я думаю о ком угодно, только не о тебе.

Это была ложь. Она в самом деле иногда думала о профессоре, но только о том, как сильно он ее раздражает. Больше ни о чем. Ну ладно, иногда она представляла себе, насколько плох он должен быть в постели. Но это вряд ли считается.

Джеймс ничего не сказал, только шагнул ближе, в выражении его лица появилась здоровая доза скептицизма. Он, что же, пытается ее запугать? У него ничего не выйдет. За плечами Грейси был многолетний опыт обращения с мужчинами. Этот навык она выработала очень быстро, когда ей исполнилось пятнадцать лет и ее груди, казалось, за одну ночь выросли до четвертого размера. После первого же случая, когда мужчина не мог отвести взгляд от ее пышных форм, мама усадила ее и провела с ней долгую беседу о том, что нужно быть осторожной. Грейси отнеслась к этому уроку серьезно и с тех пор научилась держаться на один шаг впереди мужчин.

Она подняла бровь.

– У тебя есть какая-то конкретная причина стоять прямо надо мной?

Он положил на ее бедро свою большую ладонь. Грейси вздрогнула. Тепло его ладони, казалось, обжигало ее и, проходя сквозь ткань джинсов, оставляло отпечаток на коже.

– Ты стоишь у меня на пути.

– Что?

Его пальцы сжали ее бедро. По ее телу прошел разряд какой-то энергии, которой она не желала даже давать название. Джеймс наклонил голову и произнес, понизив голос:

– Ты стоишь у меня на пути.

А потом он просто оттолкнул ее в сторону. Грейси покачнулась, все еще чувствуя на коже горящий отпечаток его ладони. Он с легкостью взял коробку с полки и передал ее Грейси, при этом на его лице появилось нечто, весьма смахивающее на ухмылку.

Щеки и шею Грейси залил жар.

В следующее мгновение на пороге кладовки появилась Сесилия с мобильным телефоном в руке. Она перевела взгляд с Грейси на Джеймса и обратно.

– Что происходит?

Грейси железной хваткой вцепилась в коробку.

– Ничего. Совсем ничего. А что может происходить? – Она выпалила эти слова слишком быстро, из-за этого они прозвучали виновато, хотя ее было абсолютно не в чем винить. – Что случилось?

Сесилия слегка улыбнулась, подняла брови и покачала телефоном.

– Звонила Мадди. Они рано выехали из Ривайвля и уже через час будут здесь. Мы подумали, что было бы неплохо пойти куда-нибудь поужинать, пока не началась самая суматоха. В узком кругу, только мы шестеро.

«Мы шестеро». Митч и Мадди, Шейн и Сесилия, она и... Грейси искоса взглянула на мужчину, стоявшего рядом с ней молча... и Джеймс.

– А как же Эван? – спросила она с надеждой в голосе.

Если Эван тоже пойдет, не будет похоже, что они идут парами, к тому же он начнет флиртовать с Грейси, и это ее отвлечет. На лице Джеймса промелькнуло какое-то новое выражение, но исчезло так быстро, что Грейси не успела его расшифровать.

– У него сегодня вечером благотворительное мероприятие, – сказала Сесилия.

Ну вот! Грейси принялась лихорадочно перебирать в уме имена друзей, которые могли бы пойти с ними, но вслух ничего не говорила, иначе всем стало бы слишком ясно, что она не хочет быть парой Джеймса. Она снова украдкой покосилась в его сторону. Он смотрел прямо на нее пристальным взглядом. Грейси поспешно отвела глаза.

Она провела в его обществе весь день. Ей предстоит видеть его всю субботу и воскресенье. Не хватало еще и на ужин идти вместе с ним.

– Мне нечего надеть.

– Можешь взять что-нибудь из моей одежды, – предложила Сесилия.

Ха! Грейси была тяжелее подружки фунтов на тридцать, как минимум. Она посмотрела на маленькую грудь Сесилии.

– Даже если не учитывать, что любая из твоих вещей не налезет мне даже на ногу, вся твоя одежда упакована.

Сесилия небрежно махнула рукой.

– Мы заказали места в ресторане, но можем заменить его на какое-нибудь место попроще, и тогда ты пойдешь в том, что на тебе есть.

Грейси наморщилась.

– Ты хочешь, чтобы я пошла в одежде, в которой весь день таскала коробки? Нет уж, спасибо.

– Ой, да ладно, соглашайся, будет весело. Шейн знаком с хозяином нового ресторана и уже забронировал для нас лучший столик. Обещаю, тебе понравится. – Сесилия повернулась к Джеймсу и сложила руки в молитвенном жесте, а мобильный телефон торчал между ее ладоней как шпиль колокольни. – Ты же пойдешь с нами, правда?

Он бросил быстрый взгляд на Грейси, потом улыбнулся будущей невестке.

– Конечно пойду.

– Здорово! В благодарность за твою помощь мы тебя угощаем. – Сесилия одарила его сияющей улыбкой и снова переключила внимание на Грейси. – Ну пожалуйста! У меня есть одно черное платье, оно тебе наверняка подойдет.

Грейси окинула подругу взглядом с ног до головы.

– Оно растягивается?

Сесилия усмехнулась.

– Достаточно, чтобы вызвать у любого сердечный приступ.

Потрясающе. Но как она может отказаться и при этом не выглядеть неблагодарной? Грейси вздохнула.

– Ладно, я иду.

– Пойду позвоню Мадди.

С этими словами Сесилия удалилась, оставив Грейси наедине с Джеймсом. Грейси развернулась лицом к нему.

– Зачем ты это делаешь?

– Делаю что? – спросил он.

Ей почудилось или в его голосе в самом деле прозвучала насмешка? Грейси показала на дверной проем, где только что стояла Сесилия.

– Тебе правда хочется идти на ужин в компании влюбленных парочек?

Одна его бровь взлетела вверх.

– Боишься, что люди примут нас за пару?

– Еще чего! Да никому в здравом уме такое и в голову не придет.

Он напрягся.

– Это не ради нас, а ради Шейна и Сесилии.

– Никаких «нас» не существует! – прошипела Грейси.

Несколько долгих неуютных мгновений профессор молча смотрел на нее, потом пожал плечами и бросил:

– Делай как хочешь. Можешь не ходить.

А потом он вышел, больше не взглянув на нее. Грейси осталась в кладовке одна. В ее груди что-то сжалось. Что-то, очень похожее на чувство одиночества. И это было глупо, ведь у нее есть все, что ей нужно. Ее жизнь идеальна.

Пока девушки собирались в ресторан, Джеймс с Шейном и их зятем Митчем сидели в гостиной посреди нагромождения оставленных грузчиками коробок.

– Приятное местечко, – заметил Митч, оглядывая просторную комнату с высоким потолком и небрежно держа в руке банку пива. – Хотя переезжать вдвоем накануне приема по случаю вашей помолвки – это, кажется, чересчур даже для тебя.

Шейн пожал плечами и посмотрел на широкую лестницу, ведущую на второй этаж:

– Сисси не хотела ждать.

Митч бросил на него свой привычный задумчивый взгляд адвоката.

– Вряд ли мою сестру можно отнести к разряду нетерпеливых.

Шейн усмехнулся.

– Думаю, ей не терпелось поселиться со мной.

Митч поежился, как будто в комнате внезапно похолодало.

– Не знаю, привыкну ли я когда-нибудь к тому, что ты и моя сестра вместе.

Шейн склонил голову набок, снова усмехаясь.

– О чем ты говоришь? Это я – пострадавшая сторона. Мне до сих пор снится в кошмарных снах, как ты и *моя* сестра в прошлый раз останавливались у нас. Честное слово, приятель, если вы снова собираетесь вытворять такое, снимите номер в отеле.

Митч рассмеялся, потирая рукой подбородок.

– Не притворяйся, будто не пытаешься меня переплюнуть.

Глядя на них обоих, Джеймс покачал головой. Надо же было такому случиться, что Митч и Шейн оказались самыми большими любителями соперничества на всем свете. Такое уж его «везение». Джеймсу приходилось терпеть нескончаемые споры о том, кто из них больше возмущен почти непрерывными проявлениями нежности, которые демонстрировали обе пары. Казалось, эта игра им никогда не надоедала, и они постоянно дразнили друг друга. А Джеймсу было противно смотреть на обоих, но, пожалуй, Митч раздражал его чуть больше, ведь как-никак Мадди была и его сестрой. Он должен был согласиться с Шейном, что бывало довольно неловко, войдя в комнату, застичнуть зятя в тот момент, когда он засунул руки под топ его дорогой сестренки. Паршивец даже ни разу не извинился.

Джеймс обратил внимание на телевизор, потихоньку переключив канал с трансляцией бейсбольного матча на тот, где шел документальный фильм об изобретении атомной бомбы. Шейн и Митч не заметили – оба были глубоко поглощены подкалыванием друг друга. Пока профессор на экране что-то рассказывал монотонным голосом, Джеймс отвлекся, и его мысли перенеслись к тому, к чему они упорно улетали весь день. К Грейси. Он прокрутил в памяти их разговор в кладовке. Он сделал все, что мог, чтобы быть с ней любезным. Он был милым в общении и старался ей помогать. Он не обращал внимания на ее шпильки и отказывался поддаваться на провокации, хотя это было чертовски трудно – больно уж дерзкий у нее язычок. От него не укрылось, что она отреагировала на его близость, но его добродушие пока что не помогло ослабить напряжение между ними. Пожалуй, наоборот, оно лишь усилилось, а Грейси стала более взвинченной. Джеймс мог сделать только один вывод: любезность на ее поведение не влияет. Он забарабанил пальцем по телевизионному пульта.

Может быть, он дал ей недостаточно времени? Трудно сказать, пока что эксперимент дает недостоверные результаты. Но одно эксперимент показал точно: он был прав, стараясь не оставаться с ней наедине. Между ними проскакивают искры. Пожалуй, то, что Грейси – самая упрямая женщина на свете, даже хорошо. За постоянными разговорами о том, какой он зануда, и громким возмущением его диетическими предпочтениями она бы никогда не

признала, что между ними существует влечение. Она бы и на смертном одре утверждала, что терпеть его не может. Джеймс подозревал, что она даже сама в это верила. Будучи подростком, он наблюдал, как его братья встречались с девушками вроде Грейси, и он знал, что почем. Он был не в ее вкусе. В какой-то степени Джеймсу хотелось доказать Грейси, что она не права, но при этом его вполне устраивало, что она отвергает его как потенциального партнера. Они в корне несовместимы. А Джеймс предпочитал, чтобы сексуальные отношения что-то значили.

В конце концов она кого-нибудь встретит. Или он встретит женщину, более соответствующую его личности. Женщину, с которой он построит серьезные отношения на прочном фундаменте, такие, какие он хочет. Развить эту мысль дальше Джеймс не успел: по лестнице сбежала его младшая сестра в маленьком красном платье игривого покроя. Казалось бы, цвет платья должен плохо сочетаться с ее темно-рыжими волосами, но ничего подобного. Она одарила своего мужа сияющей улыбкой и плюхнулась к нему на колени.

Шейн поморщился.

– Тут полно места, где сесть.

– Не слушай его. – Митч обнял Мадди за талию и положил ладонь на ее бедро – неприлично высоко. – Роскошно выглядишь, принцесса.

Она наклонилась и поцеловала мужа в шею.

– Спасибо, ты тоже.

Мадди прошептала ему на ухо что-то еще, и Митч тут же рассмеялся. Шейн нахмурился.

– Иисусе, Мадди, я все слышал. Теперь я буду думать об этом всю ночь и в итоге стану импотентом.

– Очень надеюсь, что не станешь, – сказала Сесилия, спускаясь по лестнице. Она была в черных брюках в обтяжку, подходящем по стилю топе и туфлях на каблуках как минимум в четыре дюйма, ее волосы цвета карамели были распущены. Высокая и стройная, она выглядела именно так, как и должна была выглядеть утонченная богатая женщина.

Шейн только взглянул на нее и пожал плечами:

– Проблема решена.

Сесилия улыбнулась и прошла на кухню.

– Здесь кавардак, но я знаю, где вино. Я об этом заранее позаботилась. Хочу открыть бутылку красного. У кого-нибудь есть другие пожелания?

Джеймс, если уж пил, то предпочитал красное вино, поскольку в нем много полезных антиоксидантов. Он подозревал, что, для того чтобы продержаться сегодняшний вечер, ему понадобится выпить, и не один раз.

– Я выпью бокальчик.

– Где Грейси? – спросил Митч.

Мадди ответила раньше Сесилии:

– Она принимала душ последней по очереди. – Потом она повернулась к Сесилии: – Я тоже выпью вина.

Джеймс живо представил, как Грейси стоит под душем и по ее роскошному нагому телу струится вода. Он поспешно стер из воображения эту картину: подобные образы непродуктивны.

Сесилия вернулась и протянула ему бокал темно-красного вина, потом передала другой бокал Мадди. Затем она снова сходила в кухню, вернулась с бокалом вина для себя и устроилась на коленях у Шейна так, что практически приклеилась к нему своим телом.

Сейчас, когда обе пары сидели на диване, глядя на своих партнеров влюбленными глазами, Джеймс вспомнил вопрос Грейси, на самом ли деле он хочет провести вечер в их обществе. Теперь, задним числом, он понял, что в ее словах был резон. Эти парочки его

изрядно раздражали. И действительно, получится, что они идут на этот ужин как странная пара. Неуклюжая муха в любовном меду. Обычно рядом бывали другие люди, и они играли роль буфера, но в этот вечер за столом будет только шестеро, и контраст между неприязнью, которая существует между ним и Грейси, и обожанием, царившим в других парах, будет просто огромным.

Но это всего на один вечер. Ради его брата. И это даст Джеймсу возможность продолжить эксперимент. Все остальное время до конца этих выходных они будут среди друзей и родственников, и ему не придется разговаривать с Грейси.

Джеймс сказал себе, что один вечер в обществе Грейси его не убьет, и, опять же, это не ради них, а ради Шейна и Сесилии. После всего, что его старший брат сделал для их семьи, Джеймс готов был проплыть по морю, полному акул, если это потребуется для заслуженного счастья и благополучия Шейна. После смерти их отца все они могли оказаться на улице, но Шейн их спас. Мать была убита горем, кроме того, она должна была проводить все время с Мадди, попавшей после аварии в больницу, и они оказались практически брошенными. Шейн взял на себя всю тяжесть заботы о семье, работал до изнеможения, пока не достиг бешеного успеха. Большинство людей, глядя на него, видели только того человека, которым он стал сегодня, и понятия не имели о том, какими тяжелыми были предыдущие годы и как тяжело Шейн трудился, чтобы удержать семью на плаву. Джеймс восхищался силой и решимостью брата. Шейн был для него примером, глядя на который он изменил собственную жизнь. Джеймс, конечно, никогда не разбогатеет так, как Шейн и Эван, но он стал уважаемым человеком в своей профессии. Коллеги им восхищались, его приглашали в качестве консультанта правоохранительные органы разных штатов, он получил должность в одном из самых престижных университетов страны. В академическом мире он достиг вершины в своей области. И этим он был обязан старшему брату. Это Шейн платил за его учебу в колледже, еду на их столе, это он удержал семью вместе и обеспечил ее процветание. И если Шейн хочет, чтобы он был здесь, Джеймс не даст какой-то белокурой мегере ему помешать.

В следующее мгновение упомянутая мегера появилась на лестнице и стала спускаться. У Джеймса захватило дух. Мадди присвистнула – издала длинный низкий звук, похожий на волчий вой.

– Черт подери, Грейси, ты прямо женщина-вамп!

Джеймс поневоле с этим согласился. Он только и мог, что таращиться на нее в ошеломленном молчании. Черное мини-платье облепило тело Грейси, обрисовывая каждый его изгиб, на талии и бедрах оно сидело так плотно, как будто было нарисовано на коже, а подол заканчивался так высоко, что Джеймса бросило в пожар. Глубокий вырез открывал взгляду немалую часть ее груди – права была Сесилия, когда сказала, что это платье может вызвать сердечный приступ. Сердце Джеймса забилося так сильно, что ему стало не хватать воздуха. В этом платье, в высоких черных сапогах, с ярко-красной помадой на губах и буйными белокурыми кудрями Грейси и впрямь выглядела весьма впечатляюще.

– Ну, я же говорила, что платье тебе подойдет, – удовлетворенно заметила Сесилия.

Грейси провела рукой вниз по животу и переступила с ноги на ногу.

– Хотя это и спандекс, налезло впритык.

Джеймс потерял нить разговора. Он не мог оторвать взгляд от стоявшей перед ним женщины, и все его мысли были только о ней. Она выглядела восхитительно и настолько сексапильно – неправдоподобно сексапильно, – что ему, пожалуй, придется отгонять от нее мужчин палкой. Джеймс нахмурился. Его не должны посещать такие мысли. Грейси не его женщина и никогда ею не будет.

– На что ты смотришь?

Требовательный голос Грейси прервал его неподобающие мысли. Он глупо переспросил:

– Что?

Она расправила плечи и поставила руки на бедра.

– У тебя неодобрительный взгляд, как это часто бывает. Если тебе не нравится это платье, вини не меня, а свою невестку.

Джеймс застыл. Все повернулись к нему и воззрились на него с интересом. В отличие от Грейси Джеймс терпеть не мог оказываться в центре внимания, вот почему ему нужна была милая тихая девушка, которая ненавидит сцены так же сильно, как он. Он покачал головой.

– У тебя паранойя.

– Ну вообще-то, ты на нее пялился с сердитым видом, – заметила Мадди, пожав плечами.

Джеймс посмотрел на сестру и прищурился. Маленькая предательница.

– Я просто думал о своем, мои мысли не имели никакого отношения к Грейси. Она случайно оказалась в моем поле зрения.

Шейн хмыкнул. Сесилия ткнула его локтем в бок.

– Ха! Видишь, она тоже это заметила. Мне не почудилось.

При каждом слове Грейси нацеливала на него указательный палец. Джеймс стиснул зубы. Он подумал о своем намерении быть на протяжении этого уикенда любезным. Джеймс гордился своей самодисциплиной и умением следовать собственным решениям. Это были краеугольные камни его жизни. К тому же эксперимент можно считать достоверным только в том случае, если он проведен корректно. Да, Грейси представляла для него вызов, но небольшие трудности только закаляют характер. Он не должен допустить, чтобы она взяла над ним верх.

Он одарил ее самой любезной из своих улыбок, той, которую он приберегал для выпускных вечеров, когда ему предстояло иметь дело с какими-нибудь важными спонсорами университета.

– Грейси, ты выглядишь довольно мило.

– Какая разница! Я не нуждаюсь в твоём одобрении!

Грейси резко повернулась, и через секунду дверь ванной громко хлопнула за ее спиной. Митч покачал головой.

– Господи, какой же ты идиот!

– Что-о? Я сделал ей комплимент.

Джеймс отпил вино из стакана. Не просто отпил, а сделал изрядный глоток, если быть точным. Из них двоих безрассудная она, а не он.

Сесилия вскинула брови.

– Ты ей сказал, что она выглядит мило.

«А они чего ожидали? – подумал Джеймс. – Что я стану лебезить перед ней?» Слово «мило» вполне безопасный комплимент и соответствует его критериям любезности.

– Да. И что из этого?

Митч фыркнул и покачал головой с таким видом, словно Джеймс был не просто глуп, а безнадежен. Джеймс поправил очки и вздохнул. Надеясь на мужскую солидарность, он перевел взгляд с Митча на Шейна.

– Чем плохо слово «мило»?

Раньше, чем они успели ответить, в комнату решительной походкой вернулась Грейси. Ее сапоги сердито стучали по недавно покрашенному дощатому полу.

– Женщине не говорят, что она выглядит мило. Мило выглядят бабушки. Или щенки.

– В жизни не слышал ничего глупее.

Услышав в собственном голосе снисходительные нотки, Джеймс недовольно поморщился. К сожалению, старые привычки очень живучи. Он глубоко вздохнул и напомнил себе, что нужно придерживаться плана. Он еще мог спасти положение.

– Я не глупая, – заявила Грейси голосом, полным злости.

– Не извращай мои слова! – В груди Джеймса шевельнулся гнев, но он его подавил. Он не сдастся. Он сохранит контроль над ситуацией. Он допил вино – гораздо быстрее, чем следовало, учитывая, что днем он перекусил совсем немного.

– Как ты можешь настолько не разбираться в женщинах?

В этот момент Джеймсу больше всего на свете хотелось показать ей, насколько она не права.

– Уверяю тебя, я говорил множеству женщин, что они мило выглядят, и ни одна из них не устраивала из-за этого истерику.

На щеках Грейси выступили два красных пятна.

– Я не устраиваю истерику.

– Большинство женщин в таких случаях просто говорят «спасибо» и продолжают заниматься своими делами. Но не ты. Тебе нужно раздуть скандал из-за того, что я не стал тебе льстить.

Две пары, сидящие на диване, переводили взгляды то с Джеймса на Грейси, то обратно, словно наблюдали за теннисным матчем. Джеймс подумал, что ему лучше остановиться. Он должен остановиться. Ведь он человек спокойный, рассудительный. Он не устраивает сцены. И ему нужно продолжить эксперимент.

– Мне не нужна гнусная лесть, но «мило» – это не комплимент!

Грейси стояла, тяжело дыша, ее пышная грудь поднималась и опускалась, и в эту минуту она была похожа на быка, готового броситься на Джеймса.

– «Мило» – это вполне приемлемый комплимент.

Джеймс упрямо стоял на своем, хотя здравый смысл подсказывал ему, что лучше извиниться и закрыть тему.

– С таким же успехом ты мог бы сказать, что я выгляжу ужасно! – закричала Грейси.

Внутри у Джеймса, казалось, что-то лопнуло. Он встал и направил на нее палец.

– Нечего говорить мне эту чушь, когда на самом деле тебе плевать, что я думаю.

– Ты прав, мне плевать! – крикнула она.

– Давайте успокоимся, – сказал Шейн.

– Не вмешивайся! – Джеймс метнул на брата угрожающий взгляд и снова переключил внимание на Грейси. – В таком случае, о чем мы спорим?

Она вздернула подбородок.

– Ни о чем. Забудь об этом. Пошли.

– Отлично, – сказал Джеймс.

Все его добрые намерения полетели к чертям. Грейси прошествовала мимо него, сердито топая.

– Это должен был быть приятный вечер.

Джеймс быстро окинул ее саркастическим взглядом.

– Я уверен, это будет очень *мило*.

Глава 3

Грейси стояла, прислонившись к стене, в дамской комнате модного ресторана в Ривер-Норт, а Сесилия и Мадди смотрели на нее, одинаково хмурясь.

Наконец Сесилия вздохнула с досадой.

– Я думала, ты собиралась быть любезной.

После поездки на машине до ресторана, прошедшей почти в полном молчании, Грейси все еще пыталась разобраться, что же произошло. Зачем она втянула Джеймса в перепалку? Он весь день держался дружелюбно, а она вдруг взяла и накинулась на него. Ну да, нормальные люди понимают, что женщине не нравится, когда ей говорят, что она выглядит «мило», но все-таки она отреагировала слишком бурно. А он на нее закричал. Честное слово, по-настоящему закричал. Как объяснить подругам, что он был любезным и внимательным, и это, вопреки всякой логике, ее безумно разозлило? Она заморгала и выпалила, оправдываясь:

– Но вы же со мной соглашались?

– Ну да, пока ты нехватила через край, – сказала Мадди.

Она и правдахватила через край. Грейси почувствовала, когда это произошло, но тогда она не смогла остановиться. Он просто совершенно вывел ее из себя.

– Ты со всеми такая приятная, – заметила Сесилия. Вокруг ее губ залегли складки неодобрения. – Почему ты не можешь быть с ним такой же теплой и очаровательной, как с другими людьми?

Вопрос на миллион долларов! У Грейси были самые благие намерения. Одеваясь вместе с подругами перед поездкой в ресторан, она пришла в хорошее настроение. Они смеялись, делились друг с другом макияжем и вели себя прямо как девчонки, собирающиеся на вечеринку. Проведя с Сесилией и Мадди пару часов, Грейс снова почувствовала себя человеком и уже с нетерпением предвкушала приятный вечер.

Она втиснулась в эластичное платье Сесилии, повертелась перед зеркалом и решила, что выглядит шикарно. И стала спускаться по лестнице, чувствуя себя королевой. Но потом Джеймс увидел ее и нахмурился. И, если говорить начистоту, она увидела в этом предлог, которого ждала весь день, – предлог к нему прицепиться. Что было глупо. Ей надо было радоваться, что он начал обращаться с ней нормально, как с другими людьми. Вот только она не радовалась, сама не зная почему. Ее чувства вылились в действия, а в результате Джеймс ответил ей тем, на что она давно напрашивалась, и теперь она пребывала в еще большей растерянности, чем раньше. Грейси жалела, что вообще согласилась приехать сюда на выходные. Сейчас ей очень хотелось оказаться дома, в Ривайвле, надеть пижаму и смотреть телевизор, свернувшись клубочком на диване.

Она прикусила нижнюю губу и, виновато посмотрев на подруг, пожала плечами.

– Прошу прощения. Я перед ним извинюсь.

Мадди кивнула.

– Спасибо. Мы не требуем, чтобы он тебе нравился, просто держись с ним дружелюбно.

Грейси попыталась улыбнуться, но у нее задрожали губы.

– Ладно.

Мадди и Сесилия украдкой переглянулись, и Грейси вдруг поразились, как хорошо они понимают друг друга. Они словно настроены на одну волну. Когда-то она пыталась навести между ними мостик, но теперь в этом больше не было необходимости. Дружба и родство связали их вместе таким образом, что Грейси теперь всегда будет для них человеком со стороны. При этой неприятной мысли у нее сжалось горло.

Мадди подняла брови, Сесилия покачала головой. Тогда Мадди слегка пожала плечами и согласно кивнула, их разговор без слов закончился. Грейси даже понятия не имела, что они только что обсудили.

Она положила руку на сердце.

– Я извинюсь, хорошо?

Во взгляде Сесилии что-то блеснуло.

– Мы просто хотим, чтобы тебе было хорошо.

Грейси резко вскинула голову: «Это еще откуда взялось?»

– Мне и так хорошо. Я же сказала, что сожалею о своем поведении и что я извинюсь.

Чего вы еще хотите?

Невестки снова переглянулись, потом Мадди ответила:

– Ничего. Все в порядке. Давайте проведем вечер с удовольствием. Предполагалось, что это будет торжество.

Грейси выпрямилась и оправила платье. Она не собиралась уподобиться эгоистке, способной испортить помолвку лучшей подруги. С этой секунды она будет приятной собеседницей.

– Обещаю вести себя хорошо.

– Спасибо, – сказала Сесилия, но выражение ее лица оставалось напряженным.

Мадди показала на дверь.

– Нам пора возвращаться.

Грейси кивком показала на туалетную кабинку.

– Вы идите, а я подойду через минуту.

Сесилия шагнула к ней и положила руку на ее локоть.

– С тобой все в порядке?

Грейси подумала, что с ней будет все в порядке, как только они уйдут. Ей просто нужно несколько мгновений, чтобы успокоиться. Она махнула в сторону двери.

– Да-да, идите, пока твой жених-неандерталец не отправился тебя искать и у меня не прибавилось еще больше неприятностей.

– Ты точно в порядке? – спросила Сесилия.

Грейси с досадой выдохнула.

– Ради бога, Сисси, я всего лишь хочу в туалет.

– Ладно, – сказала Сесилия, но, судя по ее виду, слова Грейси ее не удовлетворили.

Наконец-то они ушли, оставив Грейси в покое. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Потом открыла сумочку и стала искать косметичку. Она собиралась поправить макияж и приклеить на лицо лучшую улыбку из своего арсенала. Чего бы ей это ни стоило, она будет вести себя наилучшим образом и будет с профессором настолько теплой, насколько это вообще для нее возможно. Как только она вернется домой, это странное смятение, которое она чувствует рядом с Джеймсом, улетучится, улетит с ветрами Ривайвля. Она испечет свои любимые капкейки с карамелью, и в ее мире снова все будет хорошо.

Ища косметичку, Грейси отодвинула мобильный, экран засветился, и она увидела, что пришло сообщение от брата. Она разблокировала экран и полистала иконки, пока не нашла сообщение от Сэма, оставшегося дома еще на один день, чтобы заняться баром.

«Ты в порядке?»

Грейси улыбнулась, ее напряжение немного ослабло.

«У меня все хорошо».

Стоило ей послать брату ответ, как через секунду телефон зазвонил. Качая головой и улыбаясь, она ответила на звонок.

– У меня все хорошо!

– Что случилось? – спросил Сэм.

Как говорила их мама, у него был особый дар чувствовать неприятности на расстоянии. Будучи не только братом и сестрой, но еще и закадычными друзьями, Грейси и Сэм до сих пор жили в доме, который им оставила мать. Сэм отличался способностью чувствовать, когда Грейси расстроена, и временами это ее раздражало.

Грейси вздохнула. Она могла это отрицать, но какой смысл? Сэм все равно бы догадался.

– Ничего. Я повздорила с профессором, и из-за этого все на меня разозлились. Я скрываюсь в туалете.

– Что ты натворила?

Даже по телефону было слышно, что Сэм улыбается.

Грейси выпустила долгий вздох. Разговаривая с братом, она с каждой секундой чувствовала себя все лучше и спокойнее. Она не знала, как это работает, но иногда Сэм, казалось, умел менять эмоции собеседника. Эта способность не раз сослужила ему хорошую службу как владельцу бара. Он сумел предотвратить немало драк, даже не повышая голоса. Безо всякой на то причины Грейси вдруг захотелось захихикать.

– Почему ты думаешь, что я что-то натворила?

– Опыт.

– Ну... пожалуй, я была немного стервозной, – призналась она. Грейси знала, что Сэм ее не осудит. Он был ее родственником, единственным членом семьи, который у нее остался, и они держались друг за друга.

– Грейси, тебе пора с этим заканчивать.

Теперь Сэм заговорил прямо как их мать.

– Да, я знаю. Я пообещала вести себя вежливо.

– Это хорошо. Завтра я приеду, так что ты не будешь одинока.

Грейси заморгала, стряхивая внезапно подступившие слезы. Удивительно, как Сэм всего за полминуты сумел точно определить, почему она расстроена. Она чувствует себя одинокой. Пока она готовилась к ресторану в спальне с Мадди и Сесилией, она сумела забыть о своем одиночестве, но инцидент с Джеймсом снова все напомнил. И она выпала из общего настроения.

Грейси прерывисто вздохнула.

– Я тебя ненавижу.

Сэм усмехнулся на свой ленивый манер.

– Все меня ненавидят. До завтра.

При мысли, что она увидит брата, Грейси снова стала успокаиваться.

– Спасибо.

Грейси повесила трубку и посмотрелась в зеркало. Ее щеки разругались, глаза горели чуть ярче нормального, но в остальном она выглядела вполне как обычно. Пора идти пожинать плоды собственного поведения, даже если они окажутся горькими, и посыпать голову пеплом.

Модный ресторан был набит под завязку, и в зале стоял шум. Грейси стала пробираться через толпу к бару, где ее ждали остальные. Ей казалось, что воздух вокруг нее потрескивает, словно от электричества. Чикаго был заряжен энергией – не то что Ривайвл, где жизнь текла неспешно и размеренно и все друг друга знали. В Ривайвле невозможно было даже чихнуть, чтобы об этом тут же не узнал весь город. Но здесь, в этом огромном городе с его небоскребами и бесконечными набережными, человек мог затеряться. Как ни любила Грейси маленький уютный городок, который был ее домом, временами мысль затеряться в большом городе казалась ей привлекательной.

Когда-то – казалось, это было миллион лет назад – она мечтала уехать из Ривайвла и поселиться в большом городе. Но тогда ее мать заболела раком, от которого вскоре умерла,

и Грейси не могла даже думать о переезде. А после смерти матери она не захотела оставить Сэма одного. Ее мечты о большом городе померкли и в конце концов превратились лишь в смутные воспоминания. Теперь она больше не думала о переезде. Ривайвл был ее домом. Ее фундаментом.

Грейси встряхнула головой, прогоняя мысли о прошлом, и заставила себя сосредоточиться на настоящем. Бар был набит битком, и в поисках своих друзей ей приходилось лавировать в толпе. Какой-то мужчина уставился на ее грудь и облизнул губы. «Бррр!» Пока он с ней не заговорил, Грейси поскорее улизнула. Она повернулась и застыла. В компании ее друзей стоял Джеймс, засунув руки в карманы. В черных брюках и черном же пуловере с V-образным вырезом он выглядел почти модным. Сегодня его вид абсолютно не вписывался в тот стереотипный образ книжного червя, в рамки которого она все время его втискивала. Но не это заставило Грейси застыть на месте как вкопанная. Остолбенела она при виде женщины, которой улыбался Джеймс. Это была высокая, поразительно красивая женщина с белокурыми волосами холодноватого оттенка, как у Грейс Келли, и осанкой танцовщицы. Она беседовала с Джеймсом, касаясь пальцами его руки выше локтя. А он в ответ на любую ее реплику от души смеялся, запрокидывая голову.

У Грейси внутри что-то оборвалось. Женщина с обожанием посмотрела в лицо Джеймсу, задирая голову.

– Грейси пришла, – объявила Мадди и тем самым вывела Грейси из транса.

Она распрямила плечи. Подумаешь, велика важность. Ее не волнует, что он разговаривает с женщиной. К тому же это, наверное, ничего не значит. Может, она подруга Шейна и Сесилии. Да если даже между ними что-то есть, ей до этого нет никакого дела. Ее совершенно не касается, с кем встречается Джеймс.

Грейси нарочно медленно пересекла пространство, отделяющее ее от друзей, и профессор посмотрел в ее сторону. Его лицо на мгновение дрогнуло, но потом снова разгладилось. Как только Грейси присоединилась к друзьям, Сесилия положила руку на ее локоть.

– Все хорошо?

– Конечно.

Грейси убрала с глаз упавшую прядь волос. Чтобы не стоять столбом, как дура, она повернулась к женщине, с которой разговаривал Джеймс, и протянула ей руку.

– Кажется, мы не знакомы. Я Грейси Робертс.

– Линдси Лорд.

Женщина пожала ей руку. Пальцы у нее были такие тонкие, что Грейси боялась их сломать. Она приклеила на лицо лучшую из своих улыбок.

– Рада с вами познакомиться. Вы присоединитесь к нам за ужином?

Рука Линдси вспорхнула к декольте и несуществующей груди. У нее были гибкие плечи с развитыми мышцами, и, насколько Грейси могла судить, на теле этой женщины не было ни одной унции жира. Грейси была абсолютно уверена, что Линдси не ест пирожные, и за одно это сразу же ее возненавидела.

– Что вы, нет, конечно. Я здесь не одна. Но, увидев Джеймса, я не смогла не подойти и поздороваться. – Последнее предложение она произнесла приторно-сладким тоном и широко улыбнулась, показывая безупречно ровные и невероятно белые зубы. – Мы так давно не виделись.

Линдси определенно заигрывала с Джеймсом, причем совершенно открыто. Не то чтобы Грейси было до этого дело, просто она удивлялась. Конечно, он привлекателен. И конечно, у него впечатляющая фигура. Но все-таки он не рок-звезда, как можно было бы подумать по взгляду Линдси.

Грейси посмотрела на Линдси Лорд критическим оценивающим взглядом. Должно быть, ей нравятся уравновешенные, степенные мужчины. Грейси от таких воротит, но к ней

это не имеет никакого отношения. Грейси почувствовала боль в ладонях и только тогда осознала, что впилась ногтями в кожу. Она разжала пальцы.

К Шейну подошла распорядительница ресторана и сказала:

– Мистер Донован, ваш столик готов.

Шейн выпрямился, обнял Сесилию за талию и посмотрел поочередно на Джеймса и на Линдси. «Что происходит?»

Джеймс кивнул.

– Идите за столик, я присоединюсь через минуту.

Шейн нахмурился. Было видно, что он не хочет оставлять младшего брата. Джеймс поднял одну бровь и кивнул в сторону ожидающей распорядительницы. Сесилия ткнула Шейна локтем в бок. Он сдался и повернулся, чтобы идти к столику. Когда все пошли, Мадди оглянулась через плечо и помахала рукой:

– Линдси, приятно снова тебя видеть.

– Мне тоже, – ответила Линдси, но ее внимание было уже снова обращено на Джеймса.

«Что это за женщина? Откуда все Донованы ее знают?» Через многолюдный ресторан Грейси плелась позади друзей и не могла удержаться, чтобы не оглянуться. Джеймс ее не заметил, все его внимание было поглощено Линдси, и он улыбался ей так, как никогда не улыбался Грейси.

Минуточку!

Грейси заморгала, ее сердце забилося чаще. Может, она его девушка? Может, они – пара? Но никто никогда не упоминал, что у профессора есть девушка. Мадди никогда об этом даже не заикалась. Сесилия – тоже. Да и Джеймс никогда ничего об этом не говорил, Бог свидетель. Уж конечно, кто-нибудь когда-нибудь должен был хоть словом обмолвиться! Грейси стала лихорадочно вспоминать, о чем они говорили на протяжении последнего года, но обнаружила только, что она не знает о профессоре почти ничего личного. Так что все может быть. Но тогда почему Линдси не идет обедать вместе с ними?

Как только они сели за столик, Мадди, в волнении покусывая нижнюю губу, оглянулась на Джеймса. Он все еще стоял на том же месте.

– Надеюсь, это не проблема.

Грейси наострила уши. Что все это значит? Она боролась с искушением повернуться на стуле и посмотреть, что делает Джеймс. Она ругала себя за то, что неудачно выбрала место. Оттуда, где она сидела, ей ничего не было видно. Шейн посмотрел вверх ее плеча на брата и нахмурился.

«Да что же происходит? На что он хмурится?» Грейси схватила меню. Ей нужно было это узнать. Не потому, что это ее волновало, а просто из любопытства. Она вообще любопытная, ее мама всегда это говорила.

– Да все с ним будет в порядке! Это было давным-давно, – сказал Шейн.

Та-ак, по-видимому, речь идет о прошлом. Но Грейси не могла быть в этом полностью уверена, учитывая, как они друг на друга смотрели, да еще и улыбались такими сладкими улыбочками. И как Линдси, глядя на Джеймса, хлопала своими густыми ресницами. И как Джеймс всем телом склонялся к ее хрупкой фигуре.

Грейси хотела бы знать, о чем они говорят в эту самую минуту. Но не могла же она спросить в лоб. Она окинула взглядом столик и выбрала свою цель – Митч. Прожив много лет в Ривайвле по соседству, Грейси дружила с ним больше, чем с любым другим за этим столом. Грейси подняла стакан с водой, откашлялась и в упор посмотрела на Митча. Она смотрела на него, прищурив глаза, пока он не почувствовал ее взгляд и не посмотрел в ее сторону.

«Спроси, что происходит. Спроси, что происходит. Спроси, что происходит», – неистово повторяла она в уме.

Митч поднял бровь, в его глазах цвета янтаря плясали смешинки.

– Что?

«Бестолковый!» Грейси вздохнула и чуть заметно наклонила голову в сторону его жены. Митч еще несколько секунд смотрел на нее, потом на него снизошло понимание, выражение его лица прояснилось. Он толкнул Мадди в талию и показал пальцем на Грейси.

– Грейси хочет знать, что происходит.

«Паршивец!» Грейси сердито запыхтела.

– Ты худший на свете друг!

Он лукаво улыбнулся и пожал плечами.

– Как аукнется, так и откликнется, справедливо.

– Разве я когда-нибудь что-нибудь не так сделала?

– Хочешь, чтобы я составил список?

Поскольку они знали друг друга с детства, так как Митч и Сесилия каждое лето приезжали в Ривайвл в гости к своей бабушке, Грейси не слишком удивилась, что у Митча накопился целый список обид на нее. Она перевела взгляд на Мадди. Раз уж ее прикрытие разрушено, она с таким же успехом может задать все вопросы, которые ее терзают, в открытую.

– Кто эта женщина?

Мадди огляделась по сторонам и подалась вперед, ближе к Грейси. Грейси затаила дыхание. Наверняка Линдси была его девушкой, Грейси это нутром чувствовала.

– Линдси и Джеймс познакомились, когда учились в аспирантуре, – сказала Мадди.

У Грейси засосало под ложечкой.

– Пять лет они были вместе, – продолжила Мадди. – Мы думали, что они собираются пожениться, но вдруг однажды Джеймс пришел на воскресный обед без нее.

Грейси выдохнула и только после этого осознала, что сидела, затаив дыхание. Значит, не девушка, а бывшая девушка. Но все равно между ними есть какие-то чувства, это заметно. Хотя... есть ли? Ведь все знали, что она прекрасно ладила с Чарли, иногда они даже флиртовали друг с другом. Так что иметь хорошие, но не сексуальные отношения с кем-то, с кем ты когда-то спал, вполне возможно. И она сама – живое тому доказательство.

Но она не смотрела на Чарли так, словно хотела съесть его на обед. Грейси спохватилась, что Мадди продолжает рассказывать. Она растерянно заморгала.

– Мы спрашивали, что произошло, но он только сказал, что они больше не вместе. Он отказался говорить, почему их отношения закончились. – Мадди обратила милое, но встревоженное личико к Шейну. – Он ее с тех пор видел вообще? Или это в первый раз?

Шейн пожал плечами.

– Понятия не имею. Ты же знаешь, какой он.

Вопросы так и жгли мозг Грейси. Боясь, что они каким-нибудь образом вырвутся наружу и она выдаст свое нездоровое любопытство, она сжала губы и взмолилась, чтобы Мадди заполнила паузу. Но Мадди молчала. Тогда Грейси с хладнокровным видом переключила внимание на меню и пробормотала:

– Интересно.

– Что интересного? – произнес у нее за спиной голос Джеймса.

Грейси подпрыгнула от неожиданности. «Теперь понятно, почему Мадди не стала вдаваться в подробности». Джеймс сел на свободное место рядом с Грейси.

Все посмотрели на него, и за столом воцарилось молчание. Джеймс вопросительно поднял брови. Грейси ждала, что Шейн или Мадди что-нибудь скажут, но они не говорили. Молчание становилось тягостным.

– Что происходит? – спросил Джеймс с подозрением.

Мадди выпрямилась на стуле.

– Ничего.

Снова неловкое молчание. Внутри у Грейси, казалось, что-то лопнуло, и ее язык, как водится, перестал слушаться.

– Мы говорили о тебе и твоей бывшей подружке, – выпалила она. – Они волновались, что ты, увидев ее, можешь потерять контроль над собой.

Все за столом усталились на Грейси с открытыми ртами. Она почувствовала, как шею заливает жар. Прежде чем кто-то успел вставить хоть слово, она вздернула подбородок и сказала:

– И что это за имя такое, Линдси Лорд? Она что, стриптизерша?

Джеймс недоуменно заморгал, а уголки его губ предательски дрогнули, выдавая скрытую улыбку. Он поднял одну бровь.

– Стриптизерша?

Чтобы Линдси, эта изысканная женщина, вертелась на сцене вокруг шеста... Сама мысль об этом была смехотворна. Она утонченная, умная, весьма и весьма уважаемая в своей области.

– Она физик в Чикагском университете.

Грейси нахмурилась и махнула рукой.

– Мало разницы.

Джеймс засмеялся и удивленно расширил глаза.

– Я бы так не сказал. Но в любом случае, уверяю тебя, я не собирался раскисать.

Шейн выпил одним махом полстакана воды и только потом сказал:

– Да, с тобой такого не случается.

Мадди подалась вперед и спросила озабоченно:

– Не хочешь об этом поговорить?

– Тут не о чем говорить.

Желая закрыть тему, Джеймс взял в руки меню. Они все решили, что Линдси порвала с ним и разбила ему сердце, а он так и не потрудился развеять это заблуждение. В действительности это он с ней порвал и предоставил окружающим домысливать неизвестное, как им заблагорассудится. Это устраивало его сразу по двум причинам: он хотел защитить частную жизнь Линдси и это избавляло его от необходимости объяснять собственные необъяснимые поступки.

После пяти лет отношений Линдси захотела, чтобы они обручились. И это было разумно. Теоретически она была для него идеальной парой. Умная, красивая, успешная. У них были одинаковые интересы, одинаковое образование, оба занимались наукой, разделяли схожие ценности и жизненные цели. Линдси подходила ему настолько идеально, насколько вообще может подходить женщина. Но чего-то не хватало. Каждый раз, когда Джеймс собирался пойти купить обручальное кольцо, он не мог себя заставить войти в ювелирный магазин.

Он пытался разобраться в себе, понять, в чем дело, но не нашел убедительного объяснения собственной апатии. Он смог подметить только одну деталь: он никогда не смотрел на Линдси так, как его папа смотрел на его маму. Это было чисто умозрительное соображение, но тем не менее правда. Когда Линдси была рядом с ним, его мир становился приятнее, он получал удовольствие от ее общества, но у него не было чувства, будто это из-за нее встает и садится солнце, и в конечном счете этого оказалось недостаточно.

Никто так и не догадался, что это Джеймс разбил сердце Линдси. Она была потрясена, он чувствовал себя ужасно и поэтому позволил людям думать, что это она его бросила. Ему тогда показалось, что это будет милосердно с его стороны. Вопреки тому, что думали его родные, после того разрыва он виделся с Линдси много раз, хотя последний раз – довольно давно. Но не настолько давно, чтобы он не смог узнать ее манеру заигрывать с ним, хлопая ресницами. Сегодня после ресторана он мог бы, если бы захотел, поехать к ней домой, и

она бы его впустила. Они бы легли в постель, и секс был бы великолепным. Они бы разговаривали и смеялись. Делились историями о студентах и коллегах, обсуждали бы написанные статьи, и их отношения снова вошли бы в старую колею. Но утром он бы по-прежнему смотрел на нее не так, как нужно, и был бы так же, как в первый раз, неспособен объяснить, в чем дело.

– Неправда! – заявила Грейси, прерывая его размышления. – Со мной ты вышел из себя.

Джеймс повернулся к девушке, которая представляла собой смесь ночного кошмара и прекрасной фантазии в равных пропорциях.

– Думаю, ты несколько преувеличиваешь.

Грейси замотала головой, так что ее кудри взметнулись.

– Ты точно пришел в бешенство.

– Ты меня спровоцировала.

«Пришел в бешенство» – не совсем точное определение. Скорее, она вызывала у него досаду. Никогда еще его не влекло к женщине, с которой у него не было ничего общего. Которой он решительно не нравился. Стоило им оказаться в одной комнате, как они почти сразу же начинали спорить, и все равно он ее хотел. Как такое возможно?

Грейси тяжело вздохнула, словно признавая поражение.

– Да, я спровоцировала. И я прошу прощения.

Джеймс был поражен. Он не ослышался? Он видел краем глаза, что обе пары наблюдают за ним с напряженным вниманием. Он пожал плечами.

– Да, возможно, я немного погорячился.

– Я тебя подтолкнула. – На губах Грейси мелькнула улыбка. Она наклонила голову в сторону парочек. – Может, ради наших влюбленных голубков мы заключим перемирие?

Джеймс весь день именно к этому и стремился, и сейчас он не мог понять, почему не был этому рад. Он кивнул.

– Да, я не против.

Их взгляды встретились, казалось, между ними проскочила искра, но в следующее мгновение Грейси резко отвела глаза и подняла меню.

– Значит, дело улажено. Что здесь стоит заказать?

Как водится, все заговорили одновременно. Джеймс тоже стал читать лежащее перед ним меню, но толком ни в меню не вчитывался, ни к разговору не прислушивался. Его собственное желание заключить перемирие действовало на него как колючка в боку. Он достиг того, чего стремился достичь еще сегодня утром, но его не устраивала цена.

А вот она, правда! Ему отчасти нравилось, что Грейси его провоцировала, потому что в глубине души он хотел верить, что это неспроста. Когда он отстал от остальных и задержался, чтобы поговорить с Линдси, он сделал это вовсе не для того, чтобы узнать ее последние новости. Ему хотелось проверить, будет ли Грейси ревновать. Линдси – красивая женщина, и Джеймс не мог отрицать, что он хотел, чтобы Грейси увидела, что он не такой уж сухарь, как она думала. Что хотя, по ее представлениям, он проводил вечера, сидя у себя в подвале и играя в «Варкрафт», в действительности он не хуже любого другого мужчины умеет уложить красивую женщину в постель.

Но, как и в случае всех других его планов, касающихся Грейси, результат оказался не таким, как он рассчитывал. Грейси вроде бы заинтересовалась его отношениями с Линдси, и ее колкость по поводу имени Линдси, как ему показалось, весьма смахивала на ревность. Однако теперь она пожелала отбросить враждебность. Он целый день пытался быть с Грейси любезным, и вот теперь, познакомившись с Линдси, она надумала заключить перемирие. Джеймс ломал голову, что бы это значило. И почему ее так трудно расшифровать? С другими женщинами у Джеймса таких проблем не было. Сказать по справедливости, другую женщину он бы попросил объяснить ситуацию и ожидал бы от нее честного ответа. Но когда

дело касалось этой несносной Грейси, такой вариант отпадал. С ней любой разговор, на сколь угодно простую тему, превращался в яростную схватку. Следовательно, раз прямой разговор исключался, ему оставалось только применить принцип бритвы Оккама и сделать самое логичное заключение из возможных. Грейси, как и он сам, желает, чтобы он кого-нибудь встретил, и тогда химия, которая между ними возникала, утратит значимость. И вот, когда она увидела Линдси, она решила, что он больше не представляет для нее угрозы и она может расслабиться. Это было самое простое, самое прямолинейное объяснение.

Такой поворот событий должен был бы обрадовать Джеймса. По сути, он работал ему на пользу, ведь он и Грейси были настолько несовместимы, насколько вообще могут быть несовместимы два человека. Даже если между ними и есть влечение, будущего у их отношений нет. У Джеймса мурашки пробегали по спине, когда он представлял, какой хаос способна внести Грейси в его упорядоченную жизнь.

Теперь, когда все улажено, он сумеет поддерживать с ней хорошие сердечные отношения. Он будет общаться с ней так же, как общается с коллегами. И поскольку она решила больше его не провоцировать, он, в свою очередь, перестанет думать про ее дерзкий язык. Он сделает над собой усилие и перестанет воображать способы обратить ее кипучую энергию на пользу. Или каково было бы... стоп, хватит. В этом направлении думать нельзя. За годы Джеймс отточил самодисциплину до уровня искусства и собирался применить ее и в отношениях с Грейси. Его сила воли в конце концов победит, она всегда побеждает.

Грейси поняла, что заснуть ей не удастся. В конце концов она перестала даже пытаться и крадучись спустилась вниз, чтобы посидеть в эркере нового дома Шейна и Сесилии. Грейси не хотела оставаться здесь ночевать, она считала, что молодую пару нужно оставить в их первую ночь одних, но они и слушать ничего не желали. А то, что Митч и Мадди тоже остались, лишило Грейси весомого аргумента переночевать в отеле.

Грейси вздохнула. Физически она была без сил, но разум не давал ей забыться во сне. В итоге она оказалась там, где оказалась – в темноте, среди полупустых коробок.

Несмотря на поздний час очертания города все еще сияли огнями, город еще не спал. В ее родном городке сейчас тихо, небо там черное, в нем нет ничего, кроме миллионов звезд. Грейси смотрела в небо, серое от отсветов городских огней, и ей хотелось оказаться в своем уютном доме. Сегодняшний вечер привел ее в растерянность. Она сдержала обещание и была с Джеймсом любезна. Казалось, их противостояние было отчасти разрушено. И ей бы следовало этому радоваться. Но она не радовалась.

А больше всего ей не нравилось, что она никак не могла перестать о нем думать. Она лежала в кровати, смотрела на свежеевыкрашенный потолок и постоянно проигрывала в памяти каждую минуту их общения сегодня вечером. Конечно, она старалась думать больше всего о том, что ее раздражало, например о том, что он взял на обед блюдо из тунца и на десерт – ягоды, в то время как она налегала на кекс с расплавленной начинкой, но ее раздражало, что она никак не могла остановиться.

– Значит, я правда слышала твои шаги, – сказала Сесилия.

Грейси от неожиданности чуть не выпрыгнула из собственной кожи.

– Черт! – вскрикнула она, оглядываясь. – Ты меня напугала.

– Прошу прощения. – Сесилия подошла к сиденью под окном и села рядом. – Шейн говорит, что повесит мне на шею колокольчик, чтобы всегда слышать, когда я подхожу.

– Наверное, это балет научил тебя двигаться так бесшумно, – предположила Грейси.

Она отодвинулась в угол, давая подруге больше места. Сесилия засмеялась.

– Наверное.

Грейси лукаво усмехнулась.

– Хотя, если Шейн хочет знать, что ты приближаешься, значит, он делает что-то запретное.

На лице Сесилии появилось мечтательное влюбленное выражение.

– Для него нет ничего запретного. Этот мужчина извращенец.

Грейси усмехнулась, нисколько не удивленная.

– Сисси, тебе повезло. Не понимаю, как вышло, что профессор такой пуританин.

Грейси поморщилась. И зачем она его упомянула?

Сесилия склонила голову набок.

– Почему ты решила, что Джеймс пуританин?

Грейси шумно выдохнула. «Какая глупость».

– Я тебя умоляю. Только посмотри на него. Он такой зажатый, наверняка в постели он ни на что не годится.

– Но, похоже, его бывшая подруга более чем охотно приняла бы его обратно, – заметила Сесилия.

Грейси пожала плечами и стала смотреть в окно, мысленно ругая себя за то, что вообще упомянула этого мужчину. Образ Джеймса, улыбающегося красивой Линдси, ее ужасно раздражал, и она отказывалась даже задумываться, почему.

– Очертания города на фоне неба смотрятся красиво. Так не похоже на Ривайвл, правда?

Сесилия довольно долго молчала, потом сказала со вздохом:

– Грейси, почему ты не хочешь просто признать это?

Сердце Грейси пропустило удар.

– Что признать?

– Тебя влечет к Джеймсу.

Слова Сесилии, казалось, ударили ее в грудь, словно кулаки. Она резко вздернула подбородок и нахмурилась.

– Ничего подобного!

Ее он вовсе не привлекает. Он действует ей на нервы. Все в нем ее раздражает. Она хмуро посмотрела на Сесилию.

– Не путай напряженность и влечение. Это не то, что у тебя с Шейном.

– Но что-то же есть! Полно, признай, что это так. Разве ты не считаешь его хоть немного сексуальным?

Грейси так опешила, что уставилась на подругу с открытым ртом.

– Нет, конечно!

Грейси могла согласиться, что Джеймс довольно хорош собой и сегодня вечером выглядел классно, но он совершенно не в ее вкусе. И он точно не сексуальный.

Сесилия пожала плечами.

– Я думаю, ты обманываешь себя. Грейси, он тебе нравится, просто ты слишком упряма, чтобы это признать.

– Как тебе такое могло в голову прийти? Как ты вообще можешь это представить?

– А ответь мне на такой вопрос: как скоро после знакомства с Джеймсом ты порвала с Чарли?

Грейси не верила своим ушам. Она покачала головой.

– Одно никак не связано с другим. С Чарли я порвала потому, что все стало превращаться в рутину, удобную, но рутину, и мне это надоело. А то, что эти два события произошли одно за другим – чистое совпадение.

– Гм...

Сесилия замолчала и подогнула под себя ноги.

– Что?

Грейси услышала в своем голосе такие нотки, будто она оправдывается. Она поморщилась. Сесилия расправила футболку.

– Когда ты последний раз ходила на свидание?

Грейси заморгала. Потом снова заморгала.

– Я встречалась с новым тренером по футболу.

– Но на втором свидании ты дала ему от ворот поворот.

– И что из этого?

– Я просто говорю, что с тех пор, как ты познакомилась с Джеймсом, ты ни с кем не встречаешься, и это кажется несколько странным.

– Я живу в Ривайвле и с пеленок знаю в нем всех и каждого. Там трудно найти новых людей, но я много ходила на свидания. Просто я не встретила никого, кто бы меня заинтересовал. Вот так все просто объясняется.

Грейси смотрела на мерцающие огни на крыше небоскреба Джон-Хэнкок-тауэр. Между Джеймсом и долгим затишьем в ее сексуальной жизни нет никакой связи. Совсем никакой. Она никогда не отличалась постоянством. К сожалению, в этом отношении Грейси была похожа на своего отца.

– Как насчет секса? – продолжала выпытывать Сесилия. Она явно искала скрытый смысл там, где его не было.

– Ты о чем?

Сесилия рассмеялась. Она хотела, чтобы ее смех прозвучал беззаботно, но он получился каким-то придушенным.

– Ты же знаешь, что Чарли утолил бы любое твоё желание, и ты мне много раз говорила, что он очень хорош в постели. Так что же тебя останавливает?

– Уж не Джеймс, во всяком случае. – Грейси нахмурилась и сердито вздохнула. – Я не хочу снова попадать в ту же колею, неужели это трудно понять?

– Нет, совсем не трудно. – Сесилия посмотрела на подругу. В слабых отблесках света из окна ее лицо выглядело очень нежным, ничто не напоминало резкость, которой она отличалась раньше. – Наверное, я ошибаюсь.

– Ошибаешься.

Грейси говорила себе, что профессор ее не возбуждает. Она вспомнила свои ощущения в кладовке, когда Джеймс стоял очень близко к ней. Вспомнила, как впиалась ногтями в свои ладони, когда увидела, как Джеймс улыбается своей бывшей подруге. Как она то и дело представляла их вдвоем в постели... Возможно, они лежали в постели в эту самую минуту. Но нет, об этом она думать не желала. Категорически отказывалась.

Глава 4

Грейси подъехала к кирпичному бунгалу семейства Донованов и выключила зажигание. Скромный дом находился в уважаемом районе в южной части Чикаго в ряду точно таких же бунгалов, выстроенных вдоль улицы. Его отличали только висевшие рядом с дверью разноцветные воздушные шары. Грейси вышла из машины и поднялась по ступенькам. В этот день в доме Шаннон Донован было семейное торжество: мать жениха пожелала собрать близких родственников и друзей накануне завтрашнего официального приема по случаю помолвки. Грейси глубоко вздохнула. Еще один день с кланом Донованов и еще одна возможность изменить поведение с профессором.

Поскольку она уже здесь бывала, она постучалась в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла в дом. Раздался взрыв, а за ним – автоматная очередь, такая громкая, что удивительно, как со стен небольшого холла не посыпалась штукатурка. Грейси заглянула в маленькую гостиную и увидела там Джеймса и пухлощекое, похожего на ангелочка мальчика лет двенадцати-тринадцати. Они играли в видеоигру. Ни один не посмотрел в ее сторону. Джеймс держал в руке пульт управления, и все его внимание было приковано к плоскому экрану телевизора. Он был сосредоточен на игре, челюсти сжаты, на напряженном лице четко обозначились скулы.

– Ну, давай, давай! – кричал Джеймс, яростно размахивая пультом. – Атакуй его с фланга!

Никогда еще Грейси не видела его таким возбужденным. И это зрелище завораживало. Мальчик неистово нажимал кнопки на пульте.

– Слева!

На экране одна из фигур в военном облачении двинулась. Джеймс сказал:

– Вот тебе, получай выстрел.

Другой солдат упал на одно колено и выстрелил, на секунду весь экран заполнили брызги крови и мозга, разлетающиеся по воздуху, потом эта картинка сменилась на другую.

– Есть! – завопил мальчик, весь сияя от восторга виртуальной победы. – Видел, как взорвалась его голова?

Джеймс усмехнулся и откинулся на спинку дивана с обивкой из гобелена с выткан-ными цветами. Женственный рисунок на обивке подчеркивал мужественность его лица и ширину плеч, обтянутых черной трикотажной рубашкой. На лице профессора было написано радостное возбуждение. Грейси смотрела на него и невольно восхищалась. Таким ей еще не доводилось его видеть: он выглядел беззаботным и совсем не скованным. И мальчик смотрел на Джеймса в полном восхищении, на милом круглом лице сияла улыбка.

– Это было здорово!

Грейси шагнула в комнату и прислонилась к дверному косяку. Она наконец решила дать знать о своем присутствии, чтобы не получилось, что она за ними подглядывает.

– Брызги были впечатляющие.

Они посмотрели на нее. Взгляд Джеймса скользнул вдоль ее тела.

– Грейси.

От его равнодушного тона Грейси внутренне напряглась, но потом взяла себя в руки. Предстоял всего лишь неформальный ленч, поэтому она пришла в джинсах и черном трикотажном топе с круглым вырезом, оттенявшем ее светлые волосы и подчеркивавшим фигуру. Грейси очень постаралась выглядеть хорошо и тщательно замаскировала консилером тени под глазами.

– Профессор, – сказала она, потом улыбнулась мальчику. Тот уставился на нее, открыв рот. – Вы не собираетесь представить меня своему другу?

Джеймс заметил ошеломленное выражение лица мальчика, и его губы дрогнули в усмешке. Грейси даже показалось, что он закатил глаза, но это произошло так быстро, что она не была уверена.

– Грейси Робертс, это мой кузен, Деклан, – сказал Джеймс и тем самым вывел мальчика из оцепенения.

Грейси подошла к нему и протянула руку.

– Рада с тобой познакомиться, Деклан.

Мальчик пожал ее руку и при этом густо покраснел.

– Спасибо, мэм.

Грейси махнула рукой.

– Когда ко мне обращаются «мэм», я чувствую себя столетней старушкой. Зови меня Грейси. – Она кивнула в сторону телевизора. – Хорошая стрелялка. Может, попозже покажешь мне, как в нее играть?

Деклан покраснел еще гуще и резко перевел взгляд на профессора.

– Все самое трудное делал Джеймс.

Грейси пожала плечами.

– Судя по тому, что я видела, решающий выстрел сделал ты.

Джеймс ей улыбнулся. Улыбнулся по-настоящему, такой улыбкой, при которой на его щеке появлялась та загадочная ямочка, и у Грейси екнуло сердце. За доли секунды, словно от внезапной вспышки молнии, она вдруг увидела это. Солнечный свет, льющийся в окно, высветил золотые блики в волосах Джеймса, и она увидела мужчину, которого отказывалась в нем узнавать с самой первой их встречи. Того, кого видели все остальные. Мужчину, на которого Линдси Лорд смотрела как на бога и которого считала сексуальным Сесилия. Мужчину, который взывал к чему-то потаенному, запрятанному в самой глубине ее существа. Мужчину, который притягивал Грейси, тогда как она пыталась сосредоточиться не на этом влечении, а на деталях, которые ее в нем раздражали.

Ее мир пошатнулся. Грейси заморгала и попятилась.

«О нет!»

Улыбка на лице Джеймса сменилась выражением участия. Он встал и направился к ней.

– Тебе плохо?

Грейси кивнула, хотя в эту самую минуту ее всю затопил жар. «Нет! Нет! Нет! Только не он! Кто угодно, только не он!» Он ей совсем не подходит. Он брат ее лучшей подруги. В нем все стабильно и безопасно.

Джеймс подходил ближе. Слишком близко. Теперь Грейси уже не могла игнорировать собственную реакцию на этого мужчину. Он собирается к ней прикоснуться! В следующую секунду Джеймс взял ее за запястье. Грейси ахнула.

– Ты белая как полотно.

По ее руке прошел электрический разряд. Джеймс – один из тех мужчин, которым нужны крепкие отношения, из тех, кто косит газон и строит планы на пять лет вперед.

Грейси выпрямилась и расправила плечи.

– Со мной все в порядке.

Он не ест углеводы! И сахар! Мука – это часть ее жизни, ведь она кондитер.

Джеймс нахмурил лоб.

– Точно в порядке?

– Да, – ответила Грейси таким голосом, словно запыхалась. Ей было необходимо, чтобы он перестал к ней прикасаться. Ей нужно было пространство, чтобы она могла со всем этим справиться. И она выпалила первое, что пришло в голову: – У меня в машине торт.

Джеймс убрал руку. Грейси наконец могла снова дышать.

– Я могу за ним сходить, – предложил Джеймс.

Черная рубашка натянулась на его широкой груди. Грейси вдруг невероятно отчетливо представила, как проводит руками по всем этим мускулам, образ заполнил ее сознание, у нее задрожали пальцы. Только не это! Ну где же его обычный наряд? Где скучные чиносы? Они бы ей очень помогли. Грейси прочистила горло.

– Один человек там не справится, тебе понадобится помощь.

Он кивнул.

– Ты точно в порядке? Ты как будто дрожишь.

– Все нормально, я просто устала. – Ее взгляд зацепился за его рот, за его полные губы. Но вместо того чтобы думать о том, как ужасно он, наверное, целуется, она представила, как его рот накрывает ее рот... Грейси втянула воздух. – Я привыкла спать в своей постели.

Джеймс был явно озадачен ее поведением, на его лице появилось выражение недоверия. Он начал что-то говорить, но в это время появился Эван, и Джеймс закрыл рот. Он сделал шаг назад. Грейси видела краем глаза, что лицо Джеймса приняло то холодное отстраненное выражение, которое он, кажется, всегда надевал, когда она оказывалась рядом.

– А, это ты! – Эван подскочил к Грейси, поднял ее своими сильными руками и громко поцеловал в губы. – Как поживает моя самая любимая девушка?

Грейси засмеялась. Она была рада, что Эван отвлек ее от будораживших мыслей. Она засмеялась и шутливо шлепнула профессионального футболиста и местного повесу. Он помог ей настроиться на легкий флирт и расслабиться.

– О, я бы хотела тебе верить, но на прошлой неделе после матча ты то же самое говорил хорошенькой рыжеволосой репортерше.

– В твоём случае я говорю серьезно.

Эван усмехнулся, глядя на Грейси. При росте шесть футов пять дюймов Эван был сложен как греческий бог... ну или как гибрид греческого бога с профессиональным футболистом. У него были темно-каштановые волосы и зеленые глаза, характерные для Донованов, и он был просто великолепен. А если еще учесть, что Эван считался одним из лучших уайд ресиверов, то неудивительно, что его сумасшедшие выходы и появления каждую неделю с новой топ-моделью сделали его любимым объектом СМИ. Эвану нравилось флиртовать с Грейси, и она отвечала ему тем же.

– Ты врунишка, но я все равно тебя люблю.

С тех пор как они познакомились, Эван ясно дал понять, что готов уложить ее в постель и не нуждается даже в малейшем поощрении. Он шептал ей на ухо возмутительные вещи. Обнимал ее. Поддразнивал. Они не раз вместе напивались допьяна, и все же Грейси никогда не давала ему возможности даже попытаться ее соблазнить. Это был чертовски сексуальный, переполненный тестостероном профессиональный футболист, игрок национальной футбольной лиги. Женщины выстраивались в очередь ради всего лишь шанса попасть в его постель. Так что же с ней не так? Понятно, что с Эваном у нее могла быть только легкая интрижка, потому что он не из тех, кто остепеняется, но это была бы лучшая интрижка в ее жизни. У них был бы страстный, фантастический секс, и на следующее утро они по-прежнему остались бы друзьями. Так почему она не хваталась за возможность поваляться в кровати с прославленным Эваном Донованом?

Грейси повернулась, и ее взгляд наткнулся на взгляд Джеймса. Он стоял, скрестив руки на груди, лицо мрачное, челюсти напряжены. Кожу Грейси словно обдало жаром, сердце подпрыгнуло. Сесилия была права. Это из-за него.

Денек выдался солнечный, какие бывают ранней осенью, воздух был свежий, прозрачный, и, вместо того чтобы сидеть в семейном бунгало, они устроились снаружи. Джеймс и его тринадцатилетний кузен Деклан сидели на заднем крыльце и наблюдали за напряженной игрой в мини-баскетбол в переулке. Шейн послал мяч своему кузену Пэту. Пэт, старший

брат Деклана, был местной звездой подросткового баскетбола. Пэт ловко обошел одного из своих кузенов, забросил мяч в импровизированную корзину – кольцо, приделанное к стене гаража на две машины, – и для пущего эффекта повис на нем. Два брата были полной противоположностью друг друга.

Джеймса приглашали принять участие в игре, но он отказался и предпочел смотреть за игрой, сидя рядом с Декланом. Из всех членов семьи именно этот подросток-кузен, еще почти ребенок, больше всего походил на него. Джеймс хорошо, даже слишком хорошо, знал, каково быть неспортивным в семье, полной фанатиков спорта. Даже сейчас, при всех тренировках и упражнениях, он, строго говоря, не был спортивным, а просто был в прекрасной форме. Это не одно и то же. Он мог вполне прилично играть в баскетбол, но только потому, что был вынужден играть с братьями, пока рос. Он не был хорошим игроком, всего лишь сносным.

Конечно, если бы они сейчас соревновались в беге, то Джеймс обогнал бы и Шейна, и Эвана. Но для бега нужно всего лишь быстро ставить одну ногу впереди другой, это требует практики, но не мастерства.

Деклан заерзал на месте. Джеймс посмотрел на него и обнаружил, что парень не наблюдает за игрой. Его кузен смотрел мечтательным взглядом на Грейси, которая сидела за круглым столиком для пикников вместе с группой девушек. Джеймс чуть приподнял уголки губ в улыбке. По-видимому, у них с Декланом есть и еще кое-что общее: интерес к фигуристым блондинкам. Джеймс ткнул паренька локтем и кивнул в сторону Грейси.

– Пожалуй, она для тебя немного старовата.

Мальчик покраснел еще больше, чем обычно, и шаркнул носком черной кроссовки «конверс» по ступеньке.

– Она твоя девушка?

Джеймса, который в это самое время отпивал из стакана чай со льдом, вопрос так ошеломил, что он вздрогнул, чай попал не в то горло, и он начал задыхаться. Он закашлялся и затряс головой. Наконец он смог снова заговорить.

– С чего ты это взял? – спросил он.

Деклан пожал плечами.

– Она всегда на тебя смотрит.

Джеймс нахмурился. Сегодня Грейси и впрямь вела себя странно, однако он был уверен, что к нему это не имело никакого отношения.

– Я думаю, ты ошибаешься.

– Да она на тебя смотрит почти что все время, – настаивал Деклан.

Джеймс покосился на Грейси, но ее взгляд был обращен на стол, а не на него. Он не видел смысла спорить, когда очевидный ответ лежал прямо перед носом.

– Ну, она не моя подружка. Она живет в Ривайвле по соседству с Митчем и Мадди.

– Тебе надо за ней ухаживать, – авторитетно заявил Деклан со всей мудростью подростка. – Если бы на меня так смотрела такая девушка, как она, я бы за ней ухаживал.

Джеймс прищурился и снова посмотрел на столик, за которым сидели женщины. На этот раз Грейси смотрела в его сторону.

Их взгляды встретились.

Скрестились.

Удержали друг друга.

Грейси резко отвела глаза.

Джеймс поскреб подбородок. Что, черт возьми, происходит? Она с самого начала, как только пришла, вела себя странно, была какой-то дерганой, но он представить себе не мог, какое отношение это имело к нему. Обдумать ситуацию как следует Джеймс не успел: к ним подошел Питер, отец Деклана, и показал на баскетбольную площадку.

– Пошел бы ты поиграл со всеми.

Деклан рядом с Джеймсом одеревенел.

– Мне не нравится баскетбол.

Питер, хмурясь, покачал головой.

– Давай, это пойдет тебе на пользу. Лучше, чем сидеть за видеоиграми.

Джеймс невольно сжал стакан чая со льдом крепче. Это было обычным явлением и, к сожалению, напомнило Джеймсу его собственное детство. Он слишком хорошо помнил свои неловкость и смущение, чтобы быть хотя бы отчасти объективным.

– Папа! – В голосе Деклана послышались ноющие нотки. – Мне не нравятся спортивные игры, я плохо в них играю.

– Да как же ты научишься играть хорошо, если все время просиживаешь задницу за этими своими видеоиграми? – с досадой спросил отец.

Джеймс понимал добрые намерения дяди. У Деклана лишний вес, он мало двигается и, наверное, ест только нездоровую пищу. Вдобавок у него было бледное лицо завязанного геймера. По логике отца Деклана, спортивные игры были способом заставить сына двигаться. К Джеймсу, пока он рос, применяли точно такую же тактику тысячу раз. Но одну вещь дядя Питер не понимал и не мог понять, учитывая, что в школе он был капитаном футбольной команды: подобные высказывания только сделают его сына еще более неуверенным и неловким. Чем больше Деклана станут заставлять, тем меньше ему будет хотеться играть во что бы то ни было. Что еще хуже – это опустит его самооценку ниже плинтуса.

Джеймс не мог промолчать. Он толкнул младшего кузена плечом.

– По мне лучше умереть, чем играть в баскетбол. Никогда не видел смысла в этой беготне по полю только затем, чтобы забросить мяч в какое-то маленькое колечко.

Лицо Деклана озарилось облегчением и благодарностью, но через мгновение на него снова набежала тень, потому что его отец сказал:

– Ну да, но посмотри на Джеймса. Когда-то он был точно таким же, как ты. Учись у него.

– С ним все в порядке, – проговорил Джеймс ровным тоном.

Он считал, что стыдить мальчишку не стоит, это ничуть не улучшит дело. Будь Питер умнее, он сделал бы то, что делал Джеймс. Он по меньшей мере раз в месяц брал Деклана куда-нибудь с собой и вовлекал его в активные занятия, которые, он точно знал, мальчишке понравятся. Он не заставлял Деклана участвовать в спортивных играх, которые тот терпеть не мог, и Деклан ни разу не проявил недовольство тем, что ему приходится нагружать мускулы. Но Питер упорствовал:

– Я всего лишь хочу сказать, что если ты немного поиграешь в баскетбол, это тебя не убьет.

Джеймс стиснул зубы.

– Извините, что вмешиваюсь, – раздался за спиной Питера голос Грейси с отчетливыми мурлыкающими нотками, означавшими, что она собирается кем-то манипулировать. – Но Деклан обещал мне показать, как играть в «Хало». – Она улыбнулась Питеру такой сияющей улыбкой, что глаза слепило. – Вы ведь не против?

Джеймс готов был расцеловать ее на месте, и расцеловал бы, если бы не знал, что за это она ему выцарапает глаза.

Взгляд Питера упал на грудь Грейси, натягивающую ткань топа, и он откашлялся.

– Э-э... нет, конечно нет.

Грейси усмехнулась Деклану.

– На меня баскетбол тоже нагоняет скуку. В смысле, я бы с большим удовольствием постреляла в разные штуки из снайперской винтовки, а ты?

Деклан тоже усмехнулся, его лицо выражало искреннее обожание. Грейси выпятила нижнюю губу и захлопала ресницами, подняв глаза на дядю Питера. Он выглядел совершенно ошеломленным.

– Надеюсь, вы не против, а то я застряла на тридцатом уровне, кажется, на целую вечность. Деклан обещал мне помочь перейти на другой уровень.

Джеймс покачал головой, не в силах сдержать улыбку. В эту секунду он бы сделал для Грейси все что угодно. Благодаря ей мальчишка, самооценка которого отчаянно нуждалась в подпитке, почувствовал себя как бог.

– Конечно, сынок, иди.

Питер ушел, перед этим бросив на Грейси долгий озадаченный взгляд.

Деклан вскочил и махнул девушке рукой.

– Пошли, Грейси!

Джеймс показал на заднюю дверь.

– Иди, включай игру, она придет через минуту.

Деклан побежал в дом с неожиданной скоростью. Вероятно, в эту короткую минуту он потратил больше энергии, чем за весь день. Когда за ним закрылась дверь, Джеймс повернулся к Грейси, встал и спустился на несколько ступенек, чтобы оказаться на ее уровне.

– Спасибо.

Она заморгала, на щеках выступили розоватые пятна.

– Мне показалось, что ты вот-вот выйдешь из себя.

– Так оно и было.

Джеймса удивило, что она это заметила. Но потом он вспомнил утверждение Деклана, что она за ним наблюдала. Вопрос в том, почему она это делает. Замышляет его убить?

Грейси улыбнулась. Не той улыбкой сексуальной кошечки, которую она пустила в ход, чтобы отвлечь Питера, а настоящей улыбкой.

– Я подумала, что, может, мне стоит прийти на выручку. Вчера вечером ты уже разозлился, нельзя же, чтобы ты два дня подряд приходил в ярость.

Джеймс прищурился, пытаясь понять, что же происходит в ее голове.

– Вчера вечером случился небольшой промах.

Грейси склонила голову набок и глотнула.

– Кажется, я пробуждаю в тебе самое худшее.

Их разговор был полон скрытого напряжения. Между ними что-то изменилось, но Джеймс не знал, к добру ли это. Внешне они сегодня были друг с другом более любезны, чем когда-либо за все время их знакомства. Но под этим чувствовалось едва ощутимое осознание, которого раньше не было. Или, может быть, они слишком привыкли обмениваться колкостями, что самое большее, на что можно надеяться, это вот такая неловкость.

Глядя широко раскрытыми голубыми глазами, Грейси прикусила нижнюю губу и зажала ее между зубами. Воображение тут же нарисовало Джеймсу картину, как она стоит перед ним на коленях и смотрит на него снизу вверх. Он стиснул зубы, пытаясь прогнать грязные мысли. Потом сказал, тщательно следя за своим тоном:

– Мне об этом ничего не известно.

Грейси быстро вдохнула, потом показала на дверь черного хода.

– Мне надо идти.

Джеймс всмотрелся в ее лицо, но ничего не смог по нему прочесть. Он кивнул.

– Конечно, иди. Еще раз спасибо.

– Пожалуйста.

Ни один из них не двинулся с места. Они неотрывно смотрели друг другу в глаза. Воздух между ними стал густым от напряжения.

Грейси прочистила горло.

– Гм... увидимся.

Ему хотелось надавить на нее, спросить, о чем она думает, но он этого не сделал. Возможно, позже, после того как у него будет время подумать.

– Да. То есть увидимся позже.

– Верно, – сказала Грейси и повернулась, чтобы уйти в дом. Когда она поставила ногу на вторую ступеньку, Джеймс ее окликнул:

– Грейси?

Она замерла и оглянулась через плечо. Ее волосы пронзил солнечный луч, и в ореоле золотого света она была так хороша, что дух захватывало.

– Можешь сделать мне одолжение?

Она повернулась к нему лицом.

– Какое одолжение?

Джеймс улыбнулся, надеясь, что это поможет ей почувствовать себя более непринужденно, и засунул руки в карманы.

– Постарайся, чтобы Деклан в тебя не влюбился. Он еще маленький, и я не уверен, что он это перенесет.

Грейси медленно кивнула.

– Конечно.

Это был не тот дерзкий ответ, какого он ожидал. Он стал подниматься вслед за ней по лестнице. Ее взгляд медленно скользнул по его груди, и у нее чуть заметно перехватило дыхание.

– Мне надо пойти поиграть в «Хало».

Это определенно было возбуждение.

– Грейси.

– Что?

Он улыбнулся.

– Это «Зов чести».

Она расправила плечи.

– Хм?

– Игра, в которую ты собираешься играть, называется «Зов чести».

– А, ладно.

Она повернулась и чуть ли не бегом скрылась в доме. После того как за ней захлопнулась дверь, Джеймс только и мог, что смотреть ей вслед и спрашивать себя, что делать с этим странным поворотом событий.

Глава 5

Прием по случаю помолвки был в полном разгаре. Шейн и Сесилия сияли от счастья. Ресторан, в котором проходило торжество, располагался на крыше, и из окон во всю стену открывался великолепный вид на озеро и военно-морской порт. Поскольку прием был устроен в честь пары из среды влиятельных людей Чикаго, погода тоже пошла навстречу, и гости с удовольствием выходили на широкий балкон и любовались воскресным фейерверком над водой. И место, и вид были одинаково впечатляющими, впрочем, Грейси предполагала, что так и должно быть, когда корпоративный магнат женится на дочери сенатора.

Все было безупречно. Грейси очень радовалась за них, но в то же время с нетерпением ждала, когда вечер закончится. Гости прибывали, казалось, их вереница никогда не закончится. Грейси в это время стояла у стола, где высился приготовленный ею торт, и то и дело поправляла цветы и свечи, хотя они и так уже были расставлены в идеальном порядке. Обычно Грейси на таких мероприятиях беззаботно порхала и чувствовала себя непринужденно, но сегодня она не находила себе места и, чтобы хоть чем-то занять руки, поправляла декор на столе. Она весь день чувствовала себя не в своей тарелке. Сначала Сесилия спросила ее, что случилось. Потом об этом же спросила Мадди. Потом Митч. Потом Шейн. Потом Эван. Даже давние подруги Мадди, Пенелопа и Софи, поинтересовались. Не спросил только один человек – Сэм, и то только потому, что он и так уже знал, в чем дело. Она пыталась вести себя нормально, но понятия не имела, как это сделать – теперь, когда она узнала правду. Она избегала Джеймса, как чумы, потому что всякий раз, когда он оказывался где-то в радиусе двух футов от нее, она начинала краснеть, как неуклюжий подросток. А говорить с ним Грейси была почти не в состоянии. При этом по иронии судьбы она не могла удержаться, чтобы не смотреть на него. Недавнее открытие заставило Грейси увидеть Джеймса в новом свете. Он столько раз ловил на себе ее взор, что она уже и считать перестала. И с каждым его долгим вопросительным взглядом, под которым Грейси в конце концов отводила глаза, напряжение между ними росло.

– Ты превзошла себя, – произнес у нее за спиной знакомый глубокий голос.

Грейси мысленно поблагодарила Бога за то, что ей наконец есть на кого отвлечься. Она повернула голову и через плечо посмотрела на Чарли Радклиффа – шерифа Ривайвла. Чарли был ее приятелем, более того, когда-то у них был дружеский секс. Высокий, смуглый, с черными волосами и черными, как ночь, глазами, Чарли, живое воплощение «классного парня», выглядел как всегда великолепно, но при виде него сердце Грейси больше не подпрыгивало. Она улыбнулась и снова перевела взгляд на результат своих трудов.

– Спасибо, я очень довольна.

Это было мягко сказано. На самом деле Грейси была в восторге от результата. Великолепный трехъярусный торт, выполненный в двух цветах, голубом и черном, и украшенный затейливыми цветочками, выглядел изысканно и в то же время современно. Несколько часов, которые она потратила на доведение этого произведения кондитерского искусства до совершенства, не пропали зря: это был самый красивый торт из всех, какие она когда-либо делала.

Чарли обнял ее за талию. Грейси прислонилась к его сильному телу, уже одно его присутствие помогло ей немного расслабиться. Он поцеловал ее в висок.

– Я всегда говорил, что ты художница.

Грейси отстранилась и посмотрела ему в лицо.

– Спасибо. А у тебя как дела? У меня такое чувство, как будто я тебя год не видела.

Прошло всего пару дней, но Грейси казалось, что ее дом где-то за миллион миль отсюда. Чарли усмехнулся и заправил ей за ухо прядь волос.

– Мы с тобой встречались на прошлой неделе, когда играли в карты. Ты задала мне жару и украла все мои деньги. Я это очень хорошо помню.

Грейси засмеялась и разгладила ткань своего красного платья. Оно было без бретелек, облегалo ее округлости в нужных местах и доходило до колен.

– Да, верно. Это платье я купила как раз на выигранные деньги.

– Ну, тогда мне не жалко, – сказал Чарли.

Его взгляд блуждал по ее телу. Грейси хорошо знала этот откровенный взгляд, они часто такими обменивались. Когда-то раньше он имел бы сексуальный смысл, но теперь это было простое одобрение. Грейси вздохнула, немного жалея, что этого оказалось недостаточно. В отличие от профессора Чарли относился именно к таким мужчинам, какие были в ее вкусе. У них был изумительный секс, и им всегда было весело вместе, что Грейси идеально устраивало. Им было легко друг с другом, в их отношениях царила полная непринужденность, но под конец ей стало этого мало. В то время Грейси думала, что это потому, что ей хотелось того же, что было у Митча с Мадди, а теперь и у Шейна с Сесилией. Но после того, как она отвергла немалое число парней, она пришла к выводу, что, вероятно, она не создана для серьезных отношений. Как только ее связи начинали двигаться в этом направлении, она теряла интерес. Взгляд Грейси помимо ее воли снова устремился к Джеймсу. Он стоял в компании нескольких гостей, включая его братьев, но она видела только его. На нем была белая рубашка с рукавами, закатанными до локтей, и синевато-серые брюки.

Их взгляды встретились.

Скрестились.

Удержали друг друга.

В груди Грейси разлился жар, и это ее разозлило. Взгляд Джеймса медленно скользил по ее телу, сверху вниз, потом снизу вверх, потом задержался на ее губах. У Грейси екнуло сердце, она резко втянула воздух.

Не отводя от нее взгляда, Джеймс поднес ко рту стакан вина и сделал глоток. И все это время смотрел поверх стакана на нее. Такое повторялось весь день. Напряженное молчание. Взгляды глаза в глаза. Сегодня они не спорили. Они вообще почти не разговаривали, не считая того момента на лестнице. Но эти взгляды... от них она вся горела. Грейси прикусила нижнюю губу. Нужно остановиться. Она выдохнула воздух, который задержала в легких, и приложила руку к трепещущему желудку. Потом, сделав над собой усилие, отвернулась – и обнаружила, что Чарли изучает ее, и выражение лица у него как у полицейского, который вот-вот скажет: «Попалась!»

– Ну что?

Как только эти слова вырвались у Грейси, она сразу поняла, что они прозвучали так, будто она оправдывается. Чарли улыбнулся.

– Много же тебе понадобилось времени. Я уж начал думать, что ты никогда это не поймешь.

Грейси распрямила спину.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Ладно, пошли. – Чарли взял ее за руку и потянул в сторону веранды, где было уже полно народу. – Давай-ка выведем тебя на свежий воздух.

Грейси позволила Чарли вытащить ее наружу, по пути борясь с желанием оглянуться на мужчину, который завладел ее мыслями. Прохладный воздух обдал щеки, но это ее не успокоило, наоборот, Грейси еще острее осознала, что из-за этого профессора ее кожа горит. Ни слова не говоря, они пошли через толпу гостей, пока не остановились у перил балкона. Некоторое время они молча смотрели на озеро. Грейси глубоко вздохнула. Наконец Чарли сказал:

– В Ривайвле такого не увидишь.

– Да, – согласилась Грейси. Потом показала на ночное небо. – Но здесь нет таких звезд, как там.

Чарли проследил направление ее взгляда.

– Точно.

На пирсе, сияя огнями, медленно вращалось колесо обозрения. Грейси не хотела больше думать о Джеймсе и сосредоточилась на мужчине, стоявшем рядом с ней. Лучше копаться в его секретах, чем в ее собственных.

– Скучаешь по Чикаго?

Его плечи напряглись, как бывало всегда, когда она задавала вопрос о его прошлом.

– Иногда. Хотя я так много ездил, что не уверен, чувствовал ли я его когда-нибудь своим домом.

Чарли когда-то работал в ФБР. После того как он ушел с этой службы, он вслед за Митчем, с которым дружил с детства, переехал в Ривайвл и поступил на работу в местное отделение полиции. Через год старый шериф вышел на пенсию, и на его место выбрали Чарли. С тех пор он так и работал шерифом. За все время, что Грейси и Чарли спали вместе, он никогда не рассказывал, что побудило его уйти из ФБР, как бы Грейси ни пыталась это выведать.

Она положила руки на перила, чувствуя под пальцами холодный металл.

– Ты мне вообще когда-нибудь расскажешь, почему ты ушел?

– Это не имеет значения. – Чарли был, как всегда, упрям. – Ну, так когда ты это поняла?

Грейси задала вопрос, которого задавать не следовало, и теперь разговор снова перекинулся на нее. Она попыталась уйти от ответа.

– Поняла что?

– Что все эти твои нападки на профессора на самом деле – страх.

Брови Грейси сошлись на переносице, она покачнулась.

– Я не боюсь! Он самый безобидный человек, какого я только встречала.

Чарли фыркнул.

– Это вряд ли.

С языка Грейси готова была сорваться резкость, и, чтобы удержаться, она прикусила нижнюю губу. Она хотела выглядеть хладнокровной. Она махнула рукой и постаралась улыбнуться самым беззаботным образом.

– Я тебя умоляю, у тебя паранойя. Ты можешь хотя бы представить?

Чарли прищурился.

– Да, могу, еще как.

– Но это же нелепо! Мы абсолютно несовместимы.

Ладно, она готова была признать, что питает какие-то чувства к этому мужчине, что есть, то есть, но это не отменяло аксиому, что Джеймс был полной противоположностью тому типу мужчин, которые ей нравились. Он не был необузданным и непосредственным. Он заботился о приличиях. Он был чрезмерно сдержанным. Интеллектуальным. Рассудительным. Логичным. Помешанным на фитнесе и здоровом питании. И она могла бы добавить еще сотню характеристик, которые ей не нравились. И спать с ним она не могла. Кроме Сэма, у нее не было родных, и ее друзья заменяли ей семью, никого ближе у нее не было. Грейси не могла рисковать своими отношениями с ними, когда прекрасно знала, что с Джеймсом у нее никогда ничего не получится.

Чарли покачал головой, и его темные волосы взъерошил ветер.

– Но это не отменяет того факта, что, как только он появился, наши дни были сочтены.

Грейси подбоченилась.

– Он не имеет никакого отношения к нам!

Чарли улыбнулся и провел пальцем по ее щеке.

– Я знаю твои доводы, и ты была права. У нас была классная химия, но мы всегда были прежде всего друзьями и только потом любовниками. – Он снова убрал ее волосы от лица. – Грейси, ты заслуживаешь того же, что есть у них. И я хочу, чтобы у тебя это было.

Внутри у Грейси словно что-то сдулось. Она облокотилась на сильную грудь Чарли. Через секунду он ее обнял. Она вздохнула, черпая успокоение в его тепле.

– Ты же знаешь, что я не такая. Разве я когда-нибудь пыталась потребовать от тебя каких-то обязательств?

Чарли погладил ее спину.

– Ни разу, но это не означает, что ты не должна получить то, чего заслуживаешь.

Грейси не знала, что на это сказать, поэтому просто поднялась на цыпочки и поцеловала Чарли в щеку.

– Ты хороший друг.

– Ты тоже, милая. – Он подмигнул. – Но я не собираюсь врать, мне все еще не хватает нашего секса.

Грейси засмеялась и хлопнула его по руке.

– Я не передам Фелисии Хейз твоих слов.

Ему хватило такта принять разочарованный вид.

– Значит, ты об этом знаешь?

– Пф! Мы ведь живем в Ривайвле.

Он лукаво усмехнулся.

– Ты ревновала?

– А ты хотел бы, чтобы я ревновала?

Он показал большим и указательным пальцами щепотку толщиной в дюйм.

– Может, самую малость.

– Ну, так оно и было, самую малость. – Грейси сказала правду. Когда Мэри Бет Кроули, глава «младшей лиги» и главная местная сплетница, рассказала Грейси о новой партнерше Чарли, ей стало немного жаль. Грейси наклонила голову набок. – Я не знала, что ты воспринимаешь профессора так.

– Милая, я понял, что у нас все кончено, в ту же секунду, когда ты начала с ним спорить.

– В жизни не слышала ничего более глупого.

Чарли засмеялся, качая головой.

– Ты такая недогадливая.

– Ничего подобного!

Он взял ее за подбородок и нежно улыбнулся.

– Грейси, за время, что я тебя знаю, не было ни одного представителя мужского пола, с которым бы ты не флиртовала. Хоть молодого, хоть старого. Насколько я могу судить, единственным исключением из правила был Джеймс Донован. Не нужно быть гениальным детективом, чтобы сложить два плюс два.

Грейси опустила глаза и вздохнула.

– А я не сложила два плюс два.

– Это потому, что ты упрямая и тебе никогда не попадался парень, который тебе угрожает.

– Он мне не угрожает! – возразила Грейси, ее упрямство снова себя проявило.

Чарли схватил ее за руку.

– Ладно, давай вернемся.

– Эй, да ты ревнуешь?

Он усмехнулся.

– Черт, да!

Она со смехом толкнула его бедром в бедро, и они направились к двери. Как только Грейси вернулась в комнату, полную гостей, ее взгляд забегал по сторонам, пока не остановился на Джеймсе. Он разговаривал с двумя женщинами: высокой, худощавой красивой брюнеткой и очаровательной рыжеволосой. Рыжая что-то сказала, и он рассмеялся, запрокинув голову. Грейси вдруг представила, как потянулась к нему и лизнула его горло. Каково было бы почувствовать под своим языком все эти мускулы? Она досадливо вздохнула. Нужно взять себя в руки. Нужно помнить, что ничего не изменилось. Он по-прежнему ей не подходит.

От шума и от внезапной перемены в отношениях с Грейси у Джеймса разболелась голова. По мере того как тянулся этот день, ситуация становилась все более странной. Она на него не накидывалась. И глаза не закатывала. Зато она то и дело на него смотрела. Они обменивались долгими взглядами, пропитанными предчувствиями и сексом. По мере того как день продолжался, Джеймс становился все более дерзким, он позволял себе шарить взглядом по ее телу, останавливаясь на ее губах. Он наблюдал, как она гладит пальцами свою шею, как ее язык быстро облизывает губы. И когда она вышла с Чарли на этот чертов балкон, Джеймса захлестнуло иррациональное собственническое желание ее остановить, да такое жгучее, что, казалось, оно прожигало дыру в его внутренностях. Его раздражала нелогичность этого чувства. Грейси – не его женщина и никогда ею не станет. С ним будет все нормально, если он найдет способ избавиться от одержимости этой женщиной. Чувствуя, что ему нужно отдохнуть от приема, он направился через зал ресторана к двери, лавируя между гостями, и вышел в холл, где было потише. Как только в его голове перестал звучать шум и гул голосов, он вздохнул с облегчением.

– Джеймс!

Из дальней части холла раздался голос Белинды, его двоюродной бабушки по отцовской линии. Она подняла руку и пошла в его сторону так быстро, как только позволяли ноги восьмидесятипятилетней женщины. К несчастью для Джеймса, передвигалась она на удивление проворно. Он помахал ей рукой, а потом, сознавая, что ведет себя не так, как подобает хорошему племяннику, свернул в длинный коридор, ведущий к лифтам.

– Джеймс! Джеймс, дорогой! – окликала его Белинда.

Его двоюродная бабка страдала старческим склерозом в легкой форме, и в этот вечер он как раз дал о себе знать. Сколько бы Джеймс ни повторял, что он доктор наук, а не врач, она все время путала эти понятия. Полчаса назад она приперла его к стенке и принялась обсуждать свой бурсит. О чем она захочет поговорить дальше, одному богу было известно, и Джеймс не собирался дожидаться ее, чтобы это выяснить.

– Тетя, я скоро вернусь!

С этими словами он завернул за угол, поспешил к двери, над которой висела табличка «выход», и выскользнул наружу еще до того, как Белинда успела завернуть за угол. Джеймс вышел на лестницу – и застыл в изумлении. На ступенях, обхватив руками голову, сидела Грейси. Она подняла лицо, и Джеймс увидел под ее ресницами легкие тени. Он нахмурился.

Грейси медленно выдохнула. За Джеймсом с гулким стуком закрылась дверь. Грейси была так же великолепна, как всегда, и при виде ее у Джеймса пересохло в горле. Их взгляды встретились, потом оба отвели глаза.

– Ты за мной следил?

Она изменила положение, скрестила ноги и разгладила складки на ткани облегающего платья. Джеймс испытал внезапное желание провести руками вверх по ее платью, погладить ее бедра, раздвинуть ее ноги, упасть на колени на ступеньку перед ней и царапнуть зубами ее кожу. Он прижался к двери, чувствуя, как холод металла проходит сквозь его рубашку. Это вернуло его мысли к теме разговора.

– Я прячусь от моей двоюродной бабушки.

– Это еще почему?

– Шейн назвал меня доктором, и она теперь думает, что я... в общем, врач. – Джеймс сунул руки в карманы и нащупал пальцами острый край ключа. – У нее целый список болезней, которые я точно не хочу обсуждать.

Уголки роскошных губ Грейси чуть заметно приподнялись.

– А ты от кого прячешься? – спросил Джеймс.

Она прикусила нижнюю губу.

– Почему ты думаешь, что я прячусь?

Они были наедине. Во второй раз за последние двадцать четыре часа. Небольшое пространство между ними наполнилось напряжением, которое изводило их весь день. Джеймс пожал плечами.

– С тех пор как я с тобой познакомился, ты на любой вечеринке была душой компании, никак не меньше.

Несколько долгих мгновений Грейси просто смотрела на него, потом наконец склонила голову набок, и буйная грива ее волос упала на одно плечо.

– Что имел в виду отец Деклана, когда говорил, что ты когда-то был как он?

Джеймс ожидал от нее какого угодно вопроса, только не этого. Он ответил не сразу. Это была не та тема, на которую ему хотелось говорить. Он показал на место на ступеньке рядом с ней.

– Можно мне сесть?

Было видно, как Грейси глотнула. Потом она кивнула.

– Это свободная страна.

Возможно, раньше он ошибался, подумал Джеймс. Возможно, пора перестать избегать этой ситуации. Может быть, ему нужно применить к Грейси те же принципы, которые он использовал в отношениях с другими женщинами. С самого первого момента их знакомства он играл с ней по ее правилам, но, возможно, пришло время прекратить это делать.

– Что изменилось со вчерашнего дня?

Джеймс задал ей прямой вопрос, как задал бы любой другой женщине. Намеки и предположения были не по его части, в общении он предпочитал прямоту.

Грейси дернулась так, словно он дал ей пощечину. Потом покачала головой.

– Ничего не изменилось. Совсем ничего.

Он поднял одну бровь.

– Неужели? Дело в том, что за последние двадцать четыре часа ты ни разу не назвала меня занудой. По-моему, это новый рекорд.

Грейси сцепила руки так крепко, что костяшки пальцев побелели.

– Я выполняю наше соглашение о перемирии.

Джеймс перевел взгляд на ее губы и задержал его там дольше, чем допускали нормы вежливости.

– Когда в доме моей матери я не стал есть десерт, ты не сделала ни одного саркастического замечания.

Грейси быстро провела кончиком розового языка по своей нижней губе.

– Это твое тело. Если ты обращаешься с ним как с храмом, мне-то что?

Джеймс хмыкнул. Грейси скрестила ноги и снова раздвинула их, ее голубые глаза потемнели. Джеймс усмехнулся.

– Сегодня утром я пробежал десять миль.

Она расправила плечи, в ее глазах блеснул уже знакомый Джеймсу огонь.

– Это ужасно. Ты больной на всю голову.

Он засмеялся, потом выпрямился, оттолкнувшись от стены, и шагнул к Грейси.

Она втянула воздух.

– Что ты делаешь?

Он показал на пяточок на ступеньке рядом с ней:

– Собираюсь сесть.

Ее щеки снова слегка покраснели.

– А-а... ладно.

Он сел на ступеньку, и его бедро коснулось ее бедра. Грейси напряженно застыла, но Джеймс, вместо того чтобы отодвинуться и дать ей больше пространства, не двинулся с места. Грейси не отстранилась, но он подозревал, что ею двигала скорее гордость, нежели инстинкт, потому что каждый мускул в ее теле казался тугим от напряжения. Она смотрела на Джеймса дерзко, с вызовом, но ее грудь часто поднималась от быстрых неглубоких вздохов. Он знал, что мог бы ее поцеловать, и она бы ему позволила. Напряжение между ними было так сильно, что если бы он это сделал, наверное, разверзся бы ад. Джеймс мог представить эту картину очень отчетливо, но прогнал образ прочь. Секс ничего не решит. Будь она обыкновенной женщиной, возможно, он мог бы допустить, чтобы страсть взяла верх, но с Грейси это было невозможно. Слишком тесно жизнь Грейси переплетена с его собственной. Но то, чем они занимаются, тоже не работает, и в этих их «не-отношениях» кто-то должен проявить здравый смысл.

Джеймс поставил локти на колени и сплел пальцы рук.

– Мне трудно освоиться с этим нашим перемирием.

– Что ты имеешь в виду?

Он посмотрел на Грейси, но она смотрела на свои коричневые туфли на шпильках так, словно это было невероятно занимательное зрелище. Он тихо сказал:

– Я больше не хочу с тобой воевать.

Она сглотнула и проговорила:

– Я тоже.

Джеймс решил говорить начистоту – настолько, насколько это было возможно в данный момент.

– Но как быть тебе другом, я тоже не знаю.

Грейси взглянула на него и отвела глаза.

– Если мы друг другу понравимся, какая разница?

– В обозримом будущем нам предстоит часто видеть друг друга. Разве ты не предпочла бы, чтобы мы встречались, не питая друг к другу враждебности?

Грейси кивнула.

– Да, конечно.

– Значит, мы хотим одного и того же?

– Да.

Ее правое бедро рядом с ним было твердым, Джеймс подавил желание погладить ее по ноге, ослабить напряжение, которое ее сковало.

– Есть идеи, как нам стать друзьями?

У Грейси вырвался смех, и, казалось, ее саму это ее удивило.

– Ни одной.

Их взгляды встретились, и все между ними замерло. Напряжение повисло в воздухе. Джеймс почти чувствовал свои губы на ее губах. Но он не воспользовался возможностью. Голосом, в котором слышалось – слишком явно слышалось – тлеющее желание, он сказал:

– Раньше мне никогда не доводилось тебя рассмешить. Мне это нравится.

Грейси поспешно переключила внимание на другое, стала смотреть на дверь, через которую они вошли.

– Нам надо бы вернуться к гостям.

– Да, надо бы.

Но ни один не двинулся с места. Ее нога по всей длине была прижата к его ноге, ее мягкость – к его твердости. Он крепко сжал пальцы, борясь с пульсирующим в нем желанием. Они столько времени сидели вот так, бедро к бедру, плечо к плечу, дыхание резкое и неровное, что Джеймс стал понимать смысл выражения: «Напряжение можно было резать ножом». Воздух между ними, казалось, сгустился и потрескивал от невысказанного желания, оно долго находилось под контролем, но теперь стремилось вырваться наружу. Когда Джеймс уже больше не мог это выносить, он встал и повернулся лицом к Грейси. Она посмотрела на него. Голод и растерянность в ее голубых глазах отражали его собственные запутанные эмоции. Джеймс засунул руки в карманы.

– Я больше не хочу спорить.

– Я знаю. Я тоже не хочу. – Грейси облизнула губы. – А в остальном нам придется разобратся.

– Я на это надеюсь.

– Вроде бы другие к тебе хорошо относятся, так что наверняка я когда-нибудь тоже наловчусь.

Она улыбнулась, и ее улыбка ослепила Джеймса – точно так же, как его ослепляло все остальное. Господи Иисусе! Он прочистил горло.

– Желаю приятно провести время.

– И я тебе.

Они попали в сети еще одного долгого многозначительного взгляда. Если оценивать по уровню жара, то этот взгляд мог бы соперничать с любым сексом, какой у него только был. И в это мгновение Джеймс вдруг сразу все понял. Враждебность. Постоянные споры. Подначивания. Он принимал это за раздражение, вызванное многочисленными различиями между ними, несовместимостью характеров и подспудно тлеющим странным влечением. Но он ошибался. Это было нечто большее, чем просто влечение, это была мощная, почти осязаемая химия. Не похожая ни на что, что ему когда-либо доводилось испытывать. Она не подчинялась логике и рассудку. Взгляд Джеймса упал на алые, полные губы Грейси, уже влажные, приоткрытые, ждущие его. Пока безумие не охватило его полностью, он пошел единственным разумным путем, который был ему доступен: убрался отсюда подобру-поздорову.

Глава 6

Джеймс вышел не оглядываясь, тяжелая дверь закрылась за ним, и ее щелчок отозвался эхом в ушах Грейси. Теперь, когда она не чувствовала рядом с собой тепло тела Джеймса, сквозь тонкую ткань платья стал просачиваться холод бетона, и она осознала, какой горячей стала ее кожа. Грейси посмотрела на серый пол лестничной площадки и оторопело заморгала.

«Что это было?»

Они старались. Они выдержали: весь разговор обошелся без взаимных нападок друг на друга, но какой ценой? Когда не стало враждебности, сексуальное напряжение между ними резко возросло. Грейси всего лишь сидела с ним рядом, но даже от этого ей стало так жарко, что в какой-то момент она подумала, что вот-вот вспыхнет.

Грейси вдохнула и медленно выдохнула. Она не может быть ему другом. Все, что действовало в ее обычных отношениях с мужчинами, к нему неприменимо. С ним она не могла беззастенчиво флиртовать. Грейси помнила, как познакомилась с Чарли. Стоило им только увидеть друг друга, как она сразу поняла, что будет дальше. Они кружили вокруг друг друга, их намеки становились все более откровенными, пока Грейси не плюхнулась к нему на колени и не прошептала ему на ухо такое приглашение, каким могла бы гордиться даже Мэй Уэст. И уже секунд через тридцать они оказались в постели.

Грейси попыталась представить, как действует таким же манером с Джеймсом, и невольно поморщилась: вообразить такое не получалось. Она не могла с ним вести себя так. Это же Джеймс. Хотя огонь в его зеленых глазах заставлял ее усомниться во всех ее прежних представлениях о нем, она все равно не могла это представить.

Дверь открылась. Грейси встрепенулась в надежде, что это Джеймс вернулся, чтобы продолжить то, что они начали. Как это случилось? Неужели только вчера она была спокойна и довольна и их взаимная враждебность ее вполне устраивала? Но через секунду ее надежда сдулась, как воздушный шарик: в дверном проеме стоял ее брат. Он сверкнул своей фирменной ленивой улыбкой.

– Я так и думал, что найду тебя здесь.

Дома он всегда носил только джинсы и футболки, но сегодня он был очень хорош в черных брюках и голубой рубашке. Грейси приняла самое что ни на есть жизнерадостное, счастливое выражение лица.

– Захотелось отдохнуть от всех женщин, которые к тебе липнут?

Как говорила их мама, у него было лицо ангела, но в глазах – дьявол, и женщинам ужасно хотелось посмотреть, что скрывается за фасадом добродушного парня. Им никогда это не удавалось, но вовсе не потому, что они не пытались. Сэм сел на ступеньку рядом с сестрой.

– От чего ты прячешься? Ускользнуть с вечеринки в одиночестве – это на тебя не похоже.

Грейси пожала плечами.

– Это были трудные выходные, и я начала уставать от толпы. Я бы с удовольствием поехала домой.

– Звучит правдоподобно, – медленно протянул Сэм. – А теперь рассказывай правду.

Грейси сгорбилась и вздохнула.

– Разве не достаточно того, что я устала?

– Было бы достаточно, – будь это правдой. Но я думаю, ты наконец догадалась, что он тебя возбуждает, и тебе это не нравится, – сказал он таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Это прозвучало еще хуже, чем Грейси опасалась. Она наморщила нос и замотала головой.

– Я не хочу об этом говорить.

Сэм снова хмыкнул. Он обнял Грейси за плечи, притянул ближе к себе и потер ее голову костяшками пальцев. Она шлепнула его по руке.

– Эй, осторожно, прическу испортишь!

– Мне не под силу растрепать твою гриву.

Он откинулся назад, опершись локтями на ступеньку выше. Чтобы сменить тему, Грейси решила перевести разговор на их разную наследственность. Она ткнула пальцев в его плоский – возмутительно плоский – живот.

– Ты понимаешь, как это несправедливо, что гены худобы достались тебе?

Сэм закатил глаза.

– Только не надо играть со мной в эту игру. Ну, так что ты собираешься с этим делать?

– Делать с чем? – Может быть, если они не произнесут вслух его имя, ей удастся притвориться, что они обсуждают другого мужчину. – С этим ничего нельзя поделать. Мы с ним несовместимы.

Сэм выпрямился и потер подбородок со светлой щетиной.

– Тебе станет лучше, если ты что-нибудь предпримешь.

– Что, например?

С Джеймсом все не так просто, вопрос не только в том, переспать с ним или нет. Он теперь будет присутствовать в ее жизни всегда. И как ни неприятно было это признавать, но мысль, что он приводит на семейный обед в День благодарения кого-то вроде Линдси Лорд, была для Грейси как нож в сердце. Они с Джеймсом даже не целовались, а Грейси уже ревновала его к тени какой-то еще неизвестной женщины, которая – она была в этом уверена – когда-нибудь будет сидеть напротив нее. Грейси стиснула зубы. И ведь она даже не была ревнивой.

Сэм пожал плечами.

– Я не знаю, что делать, но я знаю тебя. Ты почувствуешь себя лучше, если перестанешь прокручивать в голове эту тему. Долбить одно и то же – не твой конек.

Грейси не видела решения. Она глубоко вздохнула. Сэм ткнул ее в плечо и показал на дверь.

– Давай-ка лучше вернемся на вечеринку.

Грейси вздохнула.

– Ладно.

Парой минут позже они стояли и разговаривали с Шейном и Сесилией, но Грейси уже отвлеклась от разговора и взглядом искала в толпе гостей Джеймса. Черт побери! В мгновение ока он стал центром ее внимания. Она понимала, что это безумие, но ничего не могла с собой поделать. Наконец Грейси заметила его в противоположной части зала. Она прикусила нижнюю губу. Джеймс разговаривал ни с кем иным, как с Чарли. Казалось, они что-то обсуждали. Ну разве это не мечта любой девушки? Полицейский и профессор. Весь этот авторитет, властность, строгость. Суровые оценивающие взгляды. Грейси поежилась. Интересно, многие ли из студенток Джеймса вздыхают по нему? Представляют, что он направляет всю эту свою строгость и контроль на них?

У Грейси пересохло в горле. Она с трудом глотнула. Чарли согласно кивнул в ответ на какие-то слова Джеймса, потом оба засмеялись. Интересно, не о ней ли они говорят? Наверное, нет. Поскольку Джеймс на нее не смотрел, она позволила себе вволю разглядывать его, любоваться широкими плечами, гибкой спиной, плоским животом.

– Прошу прощения, – произнес мужской голос.

Вздвигнув от неожиданности, Грейси снова переключила внимание на разговор. Оказалось, что к Сэму, Шейну и Сесилии подошел какой-то мужчина постарше и теперь все четверо смотрят на нее, а она этого даже не замечала. Она выпрямилась, стараясь не обращать внимания на жар, заливший ее щеки.

– Прошу прощения.

Незнакомый мужчина поднял тарелку с куском торта.

– Я правильно понял Сесилию, что этот торт приготовили вы?

Грейси бросила вопросительный взгляд на Сесилию. Подруга кивнула. Грейси снова посмотрела на мужчину.

– Да, я.

– Это лучший торт из всех, какие мне только доводилось пробовать.

Словно в подтверждение своих слов, он откусил еще кусочек торта. Грейси всегда было приятно слышать комплименты в адрес ее выпечки, особенно потому, что она была самоучкой. В детстве она мечтала поехать учиться в школу кондитеров, но эта возможность ей так и не представилась. Она широко улыбнулась.

– Спасибо, я рада, что он вам понравился. – Она вытянула руки в сторону подруги. – Вы должны благодарить Сисси, это ее любимый торт.

Сесилия замотала головой.

– Я только выбрала вкус, а остальное – твоих рук дело.

Мужчина взял тарелку в одну руку, а другой рукой достал из кармана визитную карточку.

– Меня зовут Рон Соренсен. Моей дочери исполняется шестнадцать лет, и я бы хотел, чтобы вы приготовили торт на вечеринку в честь ее дня рождения.

– Грейси Робертс, – представилась Грейси.

Она взяла визитную карточку и провела пальцем по ее краю, ее сердце наполнилось гордостью.

– Спасибо за предложение, но я живу не в Чикаго.

На лице мистера Соренсена появилось решительное выражение.

– Это не имеет значения. Я готов заплатить за доставку. Моя жена потребовала, чтобы я узнал, кто вы, и сделал у вас заказ. – Он улыбнулся и подмигнул. – А она не из тех женщин, которым можно отказать.

Грейси засмеялась и убрала визитку в сумочку.

– Уверена, мы что-нибудь придумаем. Хотите, я позвоню вам в понедельник, чтобы обсудить детали?

– Отлично. – Он откусил еще кусочек малинового торта и закатил глаза от удовольствия. Обращаясь к Шейну и Сесилии, он сказал: – Вам повезло найти такое сокровище.

Сесилия кивнула. В голубом с белым платье, мерцающем блестками, с забранными наверх волосами она выглядела очень элегантно и изысканно.

– Нам она тоже нравится, и не только из-за вкусной выпечки.

– Спасибо. – Грейси улыбнулась. – Все, что я знаю, меня научила мама.

– Вы не учились этой профессии? – спросил Рон.

Грейси об этом очень жалела, но так сложилась жизнь. Она сделала свой выбор и не изменила бы ни одной секунды времени, которое провела со своей мамой.

– Думаю, это зависит от того, что вкладывать в понятие учебы. Но в кулинарном училище я не училась. Я всегда делала все сама.

– И вы делаете это очень хорошо. – Рон показал на ее сумочку. – Понедельник, не забудьте.

– Не забуду.

Он ушел. Грейси повернулась к Шейну и Сесилии.

– Ха! Смотрите-ка, знакомство с вами уже приносит плоды.

Сесилия показала на уходящего мужчину.

– Ты знаешь, кто это?

Грейси усмехнулась.

– Знаю, это Рон Соренсен.

Шон положил руку на бедро Сесилии.

– Он глава аппарата мэрии.

– Хм, занятно. – Грейси показалось, от нее ждут, что она будет поражена. Но она мало что знала о политических кругах Чикаго, и это имя не произвело на нее особого впечатления. – Обещаю приготовить на день рождения его дочери такой торт, который она никогда не забудет.

Сесилия покачала головой.

– Ты не понимаешь. На приеме по случаю шестнадцатилетия его дочери будут присутствовать двести самых влиятельных в Чикаго людей. Это может быть огромным шагом для твоего бизнеса.

До Грейси наконец дошло, что это значит. Она покосилась на брата. Сэм улыбнулся.

– Звучит круто.

Грейси нахмурилась.

– Но я живу не в Чикаго. Мой бизнес – в Ривайвле.

– Возможно, пришло время его расширить, – предположил Шейн со всей практичностью человека, никогда не сталкивавшегося в бизнесе с проблемой, которую он не мог бы решить.

– Это всего один торт.

Кроме всего прочего, Грейси была не готова обслуживать большое число клиентов. Она построила свой бизнес в расчете на Ривайвл. Она готовила дома, в своей лимонно-желтой кухне, где имелось все необходимое ей кухонное оборудование. Она пекла капкейки для детских дней рождения и печенье для собраний ассоциации родителей и учителей. Ее фирма была успешной, даже процветающей, но маленькой. Как ей и хотелось.

Шейн показал на визитку в ее руке.

– Один торт для политика с очень обширными связями.

Грейси отмахнулась.

– Давайте не будем забегать вперед.

В это время у нее за спиной какая-то женщина сказала:

– Прошу прощения.

Грейси повернулась и увидела изысканную даму сорока с небольшим лет в коктейльном платье цвета шампанского.

– Вирджиния! Я рада снова вас видеть, – сказала Сесилия и положила руку на локоть жениха. – Шейн, ты же помнишь жену конгрессмена Далтона?

Шейн, и глазом не моргнув, протянул ей руку.

– Конечно, всегда рад вас видеть.

Грейси готова была поспорить на деньги, что Шейн понятия не имел, кто эта женщина, но по его виду никто бы об этом не догадался. Вот почему они составили такую хорошую пару. Шейн и Сесилия дополняли друг друга и умели делать так, чтобы все выглядело легко и естественно. Взгляд Грейси перескочил на Джеймса. К нему и Чарли подошли две женщины, с которыми он уже разговаривал раньше. У Грейси заныло в животе от ревности. Кто они такие?

Джеймс посмотрел поверх головы рыжеватой блондинки и перехватил взгляд Грейси. Ее словно опалило жаром. Она натужно сглотнула и снова переключила внимание на разговор.

– Поздравляю с помолвкой, – сказала Вирджиния, потом обратилась к Грейси. – Я правильно поняла, что это вы приготовили этот торт?

Глава 7

Грейси сидела в машине перед домом Джеймса. Сердце ее билось так сильно, что, казалось, готово было вырваться из груди.

Господи, что она делает?

После приема она вернулась в дом Шейна и Сесилии. Когда все уже разошлись по своим комнатам, она все расхаживала взад-вперед, как зверь в клетке. На протяжении вечера она то и дело ловила взгляд Джеймса, словно какая-то неведомая магнетическая сила притягивала их друг к другу. Продолжая мерить шагами комнату, Грейси вдруг остановилась на середине шага: ее осенило решение. Такое простое и прямолинейное, что, казалось, оно ударило ее по лицу.

Секс.

Она смотрела на все это в неправильном свете. Если бы она с ним переспала, напряжение бы спало, и все эти переживания закончились бы. Одноразовая сделка поможет им преодолеть рубеж и освободит их недавно объявленное перемирие от неловкости. Но из-за всего этого жара, который они генерировали весь вечер, у Грейси вылетел из головы один очень важный факт: что они абсолютно несовместимы. Ей нравился секс импульсивный, необузданный и грязный. К Джеймсу все это никаким боком не относилось. Он был слишком... аккуратным и упорядоченным. В самом деле, каких безумств можно ожидать от человека, который не ест капкейки? У него, наверное, есть установленный распорядок, как предполагала Грейси:

Поцелуи: семь минут двадцать пять секунд.

Прелюдия:

Подраздел А: Соски – по пять минут на каждый.

Подраздел Б: Клитор – две минуты нежных поглаживаний, затем легкие круговые движения.

Наверное, в сексе он будет таким же методичным и кропотливым, как и во всем остальном. Даже если он окажется в постели вполне сносным, все будет не так, как предпочитает Грейси, и она спокойно сможет отпустить его на все четыре стороны. Чем больше Грейси об этом думала, тем сильнее укреплялась в мысли, что это и есть решение проблемы. Надо с ним переспать, и напряжение исчезнет. Может, они еще вместе посмеются над их полной несовместимостью, и она наконец сможет обращаться с ним как с любым другим парнем.

Это было просто, как вишневый пирог. Грейси разыскала его адрес в списке контактов Сесилии в ее компьютере и потихоньку выскользнула из дома, не оглядываясь назад. Только теперь, когда она сидела в машине перед домом Джеймса, и ее сердце нервно стучало, она всерьез усомнилось в своем рассудке. Но это было единственным разумным решением. Она решительно выдернула ключ из зажигания. Надо действовать. Наступит утро, ее затянувшийся период без секса закончится, и она сможет раз и навсегда выкинуть из головы профессора Джеймса Донована.

Кого Джеймс меньше всего ожидал увидеть на своем пороге в половине первого ночи, так это Грейси. Может, у него стало совсем плохо с головой и начались галлюцинации? Он заморгал, но Грейси по-прежнему стояла здесь, на его крыльце. Стояла во всей красе, в том же красном платье, что не давало ему покоя весь вечер.

– Грейси?

Он открыл дверь шире и отступил на шаг. Она прикусила нижнюю губу, переступила с ноги на ногу, потом показала на дверь.

– Можно мне войти?

Зачем она могла прийти? Притом как складывались их отношения сегодня вечером, Джеймс почти ожидал, что она больше никогда не будет с ним разговаривать. Он жестом пригласил ее в прихожую.

– Да, конечно.

Грейси расправила плечи и решительно прошла мимо него. Женщина при исполнении миссии. Его губы чуть заметно дрогнули в улыбке.

– Это неожиданный сюрприз. Чему я обязан удовольствием видеть тебя?

Грейси бросила сумку на кожаную банкетку, повернулась кругом и поставила руки на пышные бедра. Ее груди, достойные страниц «Плейбоя», колыхались под шелковой тканью платья без бретелек. Джеймс весь вечер пытался понять, как это платье ухитряется оставаться на своем месте. У него создавалось впечатление, что достаточно чуть поддеть платье пальцем, и оно тут же соскользнет на пол.

Грейси подула так, что ее локон взлетел вверх.

– Я много думала о нашем перемирии. Оно не работает.

Джеймс закрыл дверь, оставляя холодный ночной воздух снаружи. С этим он не мог спорить.

– Возможно, нам просто нужно больше времени.

Она нахмурилась и скривила полные губы.

– Я хочу, чтобы между нами все было нормально.

– Что значит нормально?

– С тобой? – Она показала рукой на него с таким видом, как будто он раздражал ее до невозможности. – Понятия не имею. Но с меня хватит.

События сегодняшнего вечера явно довели Грейси до грани, и Джеймс не мог ее в этом упрекнуть. Его самого сводило с ума острое возбуждение, вызывавшее в воображении фантазии, как он хватает ее и утаскивает в какой-нибудь темный укромный угол.

– Хватит чего?

– Хватит с меня вот этого. – Она замахала рукой в воздухе между ними.

Несмотря на самые благие намерения, Джеймс почувствовал, что его рот растягивается в улыбке, но он быстро сдержал ее и плотно сжал губы. Какой-то бес нашептывал ему поиграть с Грейси, притвориться, что он в замешательстве, но она казалась слишком взвинченной. И такой ответ с его стороны был бы неуместным. Если он будет ее дразнить и провоцировать, это никак не поможет в их нынешнем затруднительном положении.

– Возможно, мы просто не можем быть друзьями, но я думаю, что пока еще слишком рано судить.

Грейси повесила голову и закрыла лицо руками.

– Господи, что же я делаю?

Джеймса так и подмывало подойти к ней, но он не посмел. Вместе они были как бочонок пороха, готовый взорваться, и лучше было не подносить искру к детонатору.

– Возможно, нам стоит начать с самых основ.

– Как?

Джеймс улыбнулся, надеясь, что это поможет Грейси расслабиться.

– Я видел тебя с другими мужчинами. Так что давай, начинай заигрывать. Ослепи меня своей улыбкой и обаянием.

– Ты просто невыносим!

Она сжала руки в кулаки и прижала их к бокам, как будто пыталась удержаться от желания дать ему по физиономии.

– Слишком много, слишком быстро?

Джеймс внимательно наблюдал за ней, потирая подбородок.

– Я серьезно! – Грейси прижала пальцы к вискам. – Ох, как же меня это бесит! Все идет не так, как я планировала. Как почти всегда и бывает, когда дело касается тебя.

Джеймса вдруг осенило, что и он мог бы сказать то же самое о ней. У него всегда бывали самые благие намерения, но они улетучивались, стоило ему оказаться в одной комнате с Грейси. Он криво улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.